

ДОБРОЕ ДЕЛО

AB 5771

№ 59

АВГУСТ 2011

ГАЗЕТА БФ "ХЕСЕД ШААРЕЙ ЦИОН"
ОДЕССА

American Jewish
Joint Distribution
Committee

רוש-א-שנה

29 сентября евреи празднуют Рош-а-Шана. Он отмечается в честь сотворения мира, символизирует начало нового года и завершение года уходящего.

Существует предание, что в дни Рош-а-Шана Б-г отмечает в Книге жизни, какая судьба ожидает в наступающем году каждого из людей: «...кому жить и кому умереть, кого ожидает покой, а кого — скитания, кого — благополучие, а кого — терзания, кому суждена бедность, а кому — богатство». Искренняя вера в то, что Б-г желает всем добра и благополучия, превращает этот день в праздник.

В это время евреям предписано проанализировать свои поступки за весь предшествующий год и духовно подготовиться к начинающемуся году.

Размышляя о будущем, евреи просят мира, согласия, здоровья.

Звук шофара призывает: «Очнитесь те, кто дремлет, кто тратит отпущенные годы бессмысленно. Обозрите души свои и добрыми сделайте дела ваши».

Рош-а-Шана празднуется в течение двух дней, 1-го и 2-го числа еврейского месяца тишрей,

то есть 29 и 30 сентября. Этот праздник отмечается в Израиле всеми. В этот день дарят друг другу подарки, посылают поздравления тем, кто далеко. Семья собирается за столом, который украшают традиционные праздничные блюда.

Конечно, любой человек хочет, чтобы начинающийся год был для него хорошим, «сладким». Вот почему в этот день на стол подается много блюд, с и м в о л и з и р у ю щ и х пожелание «полного», счастливого года.

В зависимости от местных традиций эти блюда могут меняться, но почти повсюду в еврейских семьях подают:

рыбу — символ плодородия;

голову (баранью или рыбную) — чтобы быть «во главе», а не в хвосте;

морковь кружочками — по форме и по цвету она должна напоминать золотые монеты, богатство;

круглую сладкую халу с изюмом — чтобы год был полным, здоровым;

овощи и фрукты — в знак надежды на обильный урожай;

яблоки и мед — кусочек яблока, обмакнув его в мед, съедают в начале трапезы сразу после халы, «чтобы год был сладким и счастливым».

Все обязательно повторится 2 стр.

Сердце никогда не забывало 2 стр.

Евгения Лукьянова "Слово и музыка" 3 стр.

Уроки языка идиш 3 стр.

Наша гостиния 4 стр.

Юлия Печерская "Тепло человеческой памяти" 5 стр.

Семен Юшкевич Рассказы 6-7 стр.

Григорий Махлис "Сделай сам" 8 стр.

Ростислав Александров "Что было, то было" 9 стр.

Руфь Зернова "На море и обратно" 10 стр.

Страна Поэзия 11 стр.

Улыбка 12 стр.

Есть город, который...

27 мая (7 июня) 1794 г.

Нашему Вице-Адмиралу Де-Рибасу

Уважая выгодное положение Гаджибея при Черном море и сопряженные с оным пользы, признали Мы нужным устроить тамо военную гавань, купно с купеческою пристанью. Повелев нашему Екатеринославскому и Таврическому генерал-губернатору открыть тамо свободный вход купеческим судам, как наших подданных, так и чужестранных держав, коим силою трактов, с империей нашей существующих, можно плавать по Черному морю, устроение сей Мы возлагаем на вас и всемилостивейше повелеваем вам быть главным начальником оной, где и гребной флот Черноморский, в вашей команде состоящий, впредь главное расположение свое иметь будет; работы же производить под надзором генерала графа Суворова-Рымникского, коему поручены от Нас все строения укреплений и военных заведений в той стране. Придав в пособие вам инженерного подполковника Деволана, коего представленный план пристани и города Гаджибея утвердив, повелеваем приступить, не теряя времени, к возможному и постепенному произведению оного в действие.

Пребываем к вам впрочем Императорскою Нашею милостью всегда благосклонны ЕКАТЕРИНА
Дан в Царском Селе Мая 27-го дня 1794 года."

Иосиф де Рибас

Этим, как его тогда называли, рескриптом началась история Одессы, которая продолжается 217 лет, обогащаясь достойными города событиями.

4 сентября в 12-00 на углу улиц Жуковского и Ришельевской состоится торжественное открытие памятника
Исааку Эммануиловичу Бабелю

Телефоны БФ "Хесед Шаарей Цион":

Служба "Мокед-Лакашиш" — 737-40-21; Служба "Питание" — 737-40-11;
Программа "Медицина" — 737-40-32; Культурный центр — 737-40-13;
Служба волонтеров — 737-40-24; Дневной центр — 737-40-30;
Газета "Доброе дело" — 737-40-12

Все обязательно повторится

Летом этого года на базе отдыха «Волна», расположенной в живописном поселке Николаевка, что в 25 км от Белгорода-Днестровского, был проведен летний семейный лагерь-семинар для детей-клиентов БФ «Хесед Шаарей Цион».

В эти дни погода оставляла желать лучшего, но стараниями сотрудников Хесед Ирины Баткилиной, Ирины Берхштейн и Юлии Горловецкой отдых участников семинара был полноценным, полезным и интересным. В течение шести дней,

Первое знакомство

каждый из которых к удовольствию всех участников начинался утренней зарядкой с элементами восточных

танцев, дети и взрослые узнавали много нового о еврейских традициях, участвовали в работе кружков, играли в подвижные игры на свежем воздухе, который на базе отдыха, на удивление и радость городских жителей, чист, свеж и ароматен, познакомились с природой благодатного края.

От всего этого тринадцать ребят и десять взрослых, которые впервые участвовали в работе такого лагеря-семинара, были, без преувеличения выражали надежду, что такая радость сказать, в полном восторге, от души для них еще обязательно повторится. благодарил организаторов и

Кружок «Умелые ручки»

Юлия Горловецкая

Берегите карточки, как деньги бережете!

Каждый год Хесед расширяет ассортимент услуг, для получения которых необходимо предъявлять свою пластиковую карточку: магазин, аптека, получение подгузников и моющих средств, мероприятия Дневного центра и т. д. Наша конечная цель — полный отказ от устаревших форм регистрации оказанной услуги с помощью ручной росписи на бумажных бланках и постепенный переход на использование пластиковых карточек Хесед как идентификационных документов клиентов и современных технических средств регистрации, хранения и выдачи информации.

Анализ полученных нами карточек для их замены и многочисленных заявлений об утере или краже карточек свидетельствует о том, что некоторые

наши клиенты недостаточно внимательно относятся к пластиковым карточкам Хесед, с помощью которых большинство из них получает услуги.

Нередко клиенты приносят нам карточки, сломанные как только можно — вдоль, поперек, по диагонали и по углам, хотя поломать их можно только, если сесть или наступить на них. Десятки карточек возвращают нам со штрих-кодом, стертым до основания, чем-то залитым или донельзя загрязненным. Такие карточки, конечно, не считываются никакими устройствами.

Большинство клиентов пользуются карточками Хесед 2–3, максимум 4 раза в квартал. Поэтому нет никакой необходимости постоянно носить пластиковые карточки с собой в карманах, кошельках, сумках, папках, тем более,

если приходится пользоваться транспортом, подвергая их вполне реальной опасности потери или кражи.

Карточки Хесед нужно хранить дома в определенном месте. Посещение магазина, аптеки, Хесед не является спонтанным, к нему готовятся заранее. И только тогда, когда клиент собирается туда, где требуется предъявить карточку, нужно брать ее с собой, оберегая, как оберегают деньги.

Замена старой карточки на новую — трудоемкий и длительный процесс, с участием специалистов разных профилей. При этом старая карточка блокируется и остаток записанных на ней средств переводится на новую. Но такой перевод возможен только после получения нами отчета за предыдущий месяц.

Потому просим наших клиентов беречь карточки БФ «Хесед Шаарей Цион».

Марк Хаит

Сердце никогда не забывало

Семьдесят лет назад, 5 августа 1941 года, началась оккупация Балты, и уже через два дня фашисты расстреляли 60 местных жителей-евреев и 40 евреев-беженцев из Бессарабии.

В память об этом 14 августа в Балте состоялся митинг у памятника жертвам Холокоста, на котором присутствовали клиенты БФ «Хесед Шаарей Цион», бывшие узники гетто, члены еврейской общины, журналисты.

Открывая митинг, руководитель общинных программ Светлана Рябошапка говорила о том, что «мы помним о том трагичном времени, когда смерть стала нормой, а жизнь оказалась чудом».

Она с сердечной благодарностью назвала имена не доживших до памятного дня жителей Балты — Праведников народов мира Анны Белинской, Марии Марталовой, Эвелины Пухальской. Но память и благодарность должны переходить из поколения в поколение, потому и завершила свое выступление С. Рябошапка обращением к молодому поколению: «Вы должны знать о Холокосте. Для молодых должны быть честно написаны об этом книги. И ваш долг извлечь из прошлого те уроки, которые не допустят повторения трагедии».

Специалист-организатор клубных программ Татьяна Гловацкая к радости присутствующих рассказала о том, что с Божьей помощью живут среди нас свидетели той давней, но никогда не забываемой нами трагедии, и зачитала воспоминания жительницы Балты Майи Ермолаевой, которые без слез на глазах слушать было просто невозможно: «Війна... Її я пережила маленькою дитиною. Проте спогади про ті страшні роки закарбувались в пам'яті на все життя. Під час окупації люди спілкувались надворі пошепки,

але якогось дня ми почули, що на вулиці незвично шумно, й всі одразу побігли подивитись, що там сталося. А там творилось таке, що й моторошно згадувати: німці вели за місто євреїв, а хто не міг йти, тих везли бідаркою. На одній із них сидів немолодий єврей, в якого замість ноги було видно залізний протез. Потім колону зупинили й кілька конвоїрів зайшли до приміщення, мабуть, за вказівками, а решта пильно слідкувала за людьми. Один з конвоїрів зсадив з бідарки каліку і, злорадно всміхаючись, збив з нього кашкет. Але як тільки той надів його на голову, німець знову скинув головний убір на землю. Коли чоловік вдруге нагнувся за кашкетом, програвів постріл. Натовп полонених і всі, хто спостерігав за цим з-за плотів, аж здригнулись від несподіванки. А німцям хоч би й що. Немов скотину, скинули вбитого в рів і погнали далі колону нещасних. Потім нам розповіли, що повели їх на територію підсобного господарства міськради і там вишикували біля силосних ям і наказали розрахуватись на перший — п'ятий, а потім перший — третій, й так всіх по черзі вбивали й скидали в яму. Ніхто їх не закопував. Так їх там дощові води і затопили. А потім вже десь через рік чи два батьки почули від своїх сусідів, що німці приходять до тих ям і витягують крючками з води черепа, з яких знімають золоті зуби».

И еще одна из многих трагичных историй: первым расстрелянным в Балте евреем был инвалид 1-й мировой

войны Зися Копман, который ходил на деревянном протезе. Безобидный он был человек, торговал газированной водой. Немцы закололи его в придорожном кювете. После войны Зисю перезахоронили, определив его останки по памятной всей Балте «деревяшке».

И это только одна судьба, одна трагедия одного человека, а каждого, к сожалению, уже нельзя назвать за давностью лет. Но не забыть нам всех, кто семьдесят лет назад невинными жертвами легли в нашу святую и щедрую землю, на которой жить нам теперь, жить нашим детям, нашим внукам и всем последующим поколениям.

В завершение траурного митинга заместитель председателя балтской еврейской общины Семен Рабинович прочел молитву об убиенных и собравшиеся почтили их память минутой скорбного молчания.

Они возложили цветы к подножию памятника жертвам Холокоста и в который уже раз осознали, что мы не просто должны, но обязаны помнить тех, кто сам не дожил на наших днях, чьи потомки не явились на свет. И некому уже вспомнить их, кроме нас, и должны мы

наказать детям своим никогда не забывать их. И время не властно здесь, и перипетии жизни не должны помешать этому святому чувству, потому что, как писал поэт:

Сколько лет прошло?

Не так уж мало.

Но за этой вереницей лет

Сердце никогда не забывало

Тех, которых с нами нет.

Специалист-организатор клубных программ Т.Гловацкая

С.Рябошапка

Это нужно знать

Паспорта будут новыми

В Верховной Раде зарегистрирован закон о новых паспортах для украинцев, внесенный Кабинетом Министров Украины.

Законопроект о введении новых документов, удостоверяющих украинское гражданство (он предусматривает замену внутреннего паспорта удостоверением гражданина Украины, а загранпаспорта — документом, содержащим биометрические данные владельца), разработан Министерством юстиции в рамках плана действий по либерализации визового режима с Евросоюзом,

требующий введения биометрических паспортов и удостоверений беженца.

Введение новых документов, удостоверяющих личность, нужно завершить до 2018 года, сообщают Ukrainews.com. При обмене старых паспортов удостоверения гражданина Украины будут выдаваться сроком до 10 лет. В них будут указываться фамилия, имя, отчество, дата и место рождения, пол, гражданство, семейное положение; место жительства (пребывания) и регистрационный номер учетной карточки налогоплательщика. По желанию

гражданина в документ можно добавить сведения о национальности, контактный номер телефона, информацию о детях, группе крови и резус-факторе.

Биометрические паспорта будут оформляться по запросу граждан, достигших 16-летнего возраста, сроком на 10 лет. В нем будут указываться фамилия, имя, данные биометрической идентификации, пол, гражданство. «Биометрические данные — это изображение лица, отпечаток одного из пальцев каждой руки и личная подпись», — говорится в проекте закона.

“ С л о в о и м у з ы к а ”

Время не только забирает, но и возвращает нам преданные забвению имена людей, которые были украшением отечественной культуры.

Когда-то целое поколение не знало в полном объеме поэзию С.Есенина, А.Блока, Н.Гумилева, В.Хлебникова. Лишь в некоторых библиотеках хранились сборники стихов А.Ахматовой, М.Цветаевой, О.Мандельштама, Б.Пастернака. И многие из нас познакомились с творчеством этих поэтов Серебряного века лишь в зрелые годы. Сегодня, к счастью, многое изменилось. Надо полагать, и впредь будут появляться “забытые” имена поэтов, музыкантов, писателей, трагическая участь которых не может не вызывать в нас интереса, сочувствия, восхищения.

Одна из страниц творческого проекта музыковедки Светланы Малыш “Забытые имена” посвящена широко известному в начале прошлого века музыканту и композитору, теоретику, критику, одному из крупнейших деятелей музыкального футуризма и русского музыкального авангарда XX столетия Артуру Лурье.

Уехав в 1922 году в командировку в Берлин, он на родину не вернулся. Следует сказать, что революцию он принял восторженно, став в скором времени видным государственным деятелем. Нарком просвещения Советского Союза А. Луначарский назначает его заведующим музыкальным отделом Наркомпроса. Артур Лурье становится “главным по музыке” в молодой, начинающей строиться стране. Произведения молодого композитора исполняются постоянно. Однако постепенное разочарование в том, чему вначале безоглядно поверил, привели его к эмиграции. И этого оказалось достаточно, чтобы на случайно оброненный кем-то вопрос: “Вы уверены, что был такой композитор?” только в 90-е годы в нашей стране можно было дать утвердительный ответ. Любители музыки в нашей стране получили возможность ближе узнать творчество композитора.

Известный скрипач Г. Кремер, познакомившись с его произведениями, организует в Кельне, а затем и в Петербурге фестиваль, посвященный музыке А.Лурье. В Америке о нем создается фильм “В поисках потерянного Орфея”. О нем пишут книги “Артур и

Анна”, “Анна Ахматова и музыка”, изучением его творчества занимается выдающийся искусствовед С.Волков— автор книг о П. Чайковском и Д. Шостаковиче. И, наконец, к 120-летию со дня рождения композитора в России создается фильм «Слово и музыка».

Именно с этим фильмом и рассказом об Артуре Лурье пришла в Культурный центр Хеседа Светлана Малыш и, как всегда, сумела увлечь слушателей интересным рассказом о творчестве выдающегося мастера.

Предваряя показ фильма, она осветила морально-эстетические особенности эпохи первой четверти прошлого столетия, детально остановившись на широко известном в то время кафе “Бродячая собака”, где в 1913—1914 годах звучали стихи поэтов

А. Лурье

Серебряного века, танцевались не совсем обычные танцы и завсегда и слушали пока еще не очень привычную музыку. Здесь собирались музыканты, художники, режиссеры, создающие

неожиданные спектакли, певцы и балерины. Это был “последний маскарад эпохи”. Именно здесь и состоялась первая встреча Артура Лурье с Анной Ахматовой. Только-только вышел ее сборник стихов “Четки”. Они проговорили всю ночь напролет, положив начало тому, что уже никогда не могли забыть. С этого времени начинается их совместная работа над либретто балета “Снежная маска” на стихи А.Блока. Следующие встречи происходят уже в 1918—1922 годах. Но когда из эмиграции он шлет ей письмо за письмом с просьбой приехать к нему, Анна отвечает молчанием. Позже, прочитав “Поэму без героя”, Артур Лурье многое поймет и скажет: “Ведь это все о нас”. И очевидно, не случайно, в 1956 году, начав писать либретто по этой поэме, А.Ахматова вспомнит о нем.

Артур Сергеевич Лурье, настоящее имя — Наум Израилевич Лурье, прожил интересную, насыщенную событиями жизнь. Родился он в Могилевской губернии в семье инженера Израиля Хацкелевича Лурье и его жены Анны

Яковлевны (в девичестве Левитиной). С 1899 по 1909 год он жил в Одессе, учился в Коммерческом училище, а затем поступил в Петербургскую консерваторию в класс композитора А.Глазунова. Однако их взгляды на дальнейшее развитие музыкального искусства резко разошлись, и Артур оставляет консерваторию. Оказавшись за границей, он широко общается с известными музыкантами и композиторами всего мира. В Париже он встречается с И.Стравинским и начинает писать о нем книгу, которую так, к сожалению, и не дописал. Одновременно работает над созданием оперы-балета “Пир во время чумы”. Поэзия и проза А.Пушкина становятся одной из главных линий в его творчестве. Он пишет романы на его стихи и до конца дней работает над созданием оперы “Арап Петра Великого”. С 1941 года А. Лурье живет в Америке. Все его архивы погибли в Европе. В США его никто не знал и о его творчестве мало было известно. Условия жизни оказались весьма тяжелыми. Пришлось все начинать с нуля. Нью-Йорк ему кажется современным воплощением ада, но вскоре он полюбил этот город, понял, что здесь не только можно, но и нужно работать.

Теперь новости с далекой для него родины не оставляют его безразличным. Когда в 1946 году в Советском Союзе состоялся безжалостный разгром творческой интеллигенции, он пишет полную сочувствия статью “Зачем они это сделали”. У нас она была перепечатана в журнале “Советская музыка” лишь в 1991 году.

В жизни Артура Лурье были встречи с очень интересными женщинами. Одна из них была балериной, от которой у него в Петербурге осталась дочь, которая не захотела, а может, просто побоялась приехать к отцу. В Париж к нему приехала красавица-танцовщица, музыку для которой писал Илья Сац, а художники восторгались ею и писали портреты. Когда-то Ольга Глебова-Судейкина, так же, как и Анна Ахматова, которая называла ее «белокурым чудом», покоряла завсегдаев “Бродячей собаки”. Оставшись одна после отъезда Лурье, она шила трогательных кукол и изящные шляпки в крохотной комнатке, заполненной щебетом бесчисленных

канареек. Когда война разрушила ее дом и убила птиц, тихо и незаметно ушла из жизни и она. А композитор, пересматривая страницы своей жизни, понял, что из всех встреченных им женщин он искал одну единственную, с которой не суждена была новая встреча, потому что она навсегда осталась по ту сторону океана. И когда в 60-х годах вышел в свет новый сборник стихов Анны Ахматовой, он увидел его с ее портретом, услышал в записи ее голос, и память вернула его на пятьдесят лет назад. Смятение, вызванное этими чувствами, готово было разорвать уставшее сердце от нахлынувших воспоминаний.

Анна часто видит во сне Артура: “Мне снится молодость наша”. Она — на вершине острой горы, ощущает поцелуй и понимает, “...что я не для него, что он не для меня”. Оба умирают в один год, с разницей в шесть месяцев.

Многожанровый документально-художественный фильм “Слово и музыка” с двумя ведущими на фоне старых портретов профессионально, не навязчиво вводит зрителей в безвозвратно ушедший Серебряный век. В фильме звучит инструментальная и вокальная музыка Артура Лурье, среди которой и романсы на стихи Анны Ахматовой.

Пятьдесят пять лет назад мир расстался с гениальными творцами — композитором и поэтом. И сегодня следует выразить благодарность всем, кто документами, фотографиями, своими воспоминаниями восстановил забытые страницы жизни этих выдающихся людей, в разные годы живших в нашем городе. Мы пока не знаем, где жила семья Артура Лурье, возможно, со временем одесские краеведы, чья поисковая настойчивость и кропотливый труд очень часто помогают восстанавливать казалось бы навсегда канувшие в вечность события и факты, найдут забытые адреса. Но, находясь на 12-й станции Большого Фонтана, мы можем пройти по улице, где когда-то родилась девочка, которая, спустя годы стала Анной Ахматовой. Сама не будучи очень счастливой, она дарила своим мужчинам не только огорчения, но и неповторимую радость любви.

Евгения Лукьянова

УРОКИ ЯЗЫКА ИДИШ

Урок 6

Род существительных. Единственное число

К женскому роду относятся:

Названия одушевленных предметов женского рода, например:

די מאמע (ди мамэ) — мама

די פרוי (ди фрой) — женщина

Большинство существительных, которые заканчиваются на аен **ע** (-э):

די וועטערע (ди вэчэрэ) — ужин.

Существительные **טאטע** [татэ] — отец и **זיידע** [зэйдэ] — дедушка, несмотря на то,

что оканчиваются на аен, принадлежат к мужскому роду.

Существительные без суффиксов, которые образованы от прилагательных:

От **ברייטער** [брэйтэр] широкий — **די ברייט** [ди брейт] ширина

От **גרויסער** [грисер] великий —

די גרייס [ди грэйс] величина

Существительные, которые оканчиваются на суффикс **הייט** [-hэйт], **הייט** [-hэйт], **ונג** [-унг]:

די קינדהייט [киндайт] — детство

די דערציילונג [дэрцэйлунг] — рассказ

К среднему роду относятся:

Существительные с уменьшительными суффиксами **ל** [-л], **עלע** [-элэ]:

די דאס יונגל [дос ингл] — мальчишка, **די יונגעל** [дос ингэлэ] — мальчик

די דאס מיידל [дос мэйдл] — девчушка, **די מיידעלע** [дос мэйдэлэ] — девочка

Субстантивированные прилагательные: **די דאס גוטס** [гутс] — пожитки, добро

די דאס שלעכטס [шлэхтс] — зло

די דאס גרינס [гринс] — зелень

Существительные с суффиксами:

די ווארג [-варг] — **די זיסווארג** [зисварг] — сладости (от **זיס** [зис] — сладкий)

די יונגווארג [юнговарг] — молодежь (от **יונג** [юнг] — молодой)

די טום [тум] — **די איינטום** [эйнтум] — собственность, **די אלтэртום** [алтэртум] древность.

די עכץ [-эхц] — **די טועכץ** [туэхц] — действие; (от **טוען** [туэн] — делать.)

Наша гостиная

Дорогие друзья! Обычно мы приходим в ваш дом, задаем вопросы, интересуемся делами, проблемами. Теперь вы стали нашими постоянными гостями, и на любые ваши вопросы — приятные и неприятные, сложные и простые — мы постараемся отвечать вам в уютной гостиной, которая будет регулярно открывать перед вами свои двери на страницах нашей газеты. Мы рады гостям, и вам всегда здесь окажут самый теплый прием.

Дежурный по гостиной — начальник Отдела по социальному обеспечению Феликс Мильштейн

Уважаемые посетители "Нашей гостиной"!

Убедительно просим вас внимательно ознакомиться с материалами этого выпуска и в дальнейшем постоянно посещать "Нашу гостиную", поскольку в последнее время произошли изменения в критериях обслуживания клиентов и в работе социальных программ Хеседа, о чем мы будем вас оперативно информировать.

Мы уже неоднократно поднимали в нашей газете тему еврейской благотворительности, рассказывали о ее истории и нынешнем положении. Много раз терпеливо объясняли нашим уважаемым клиентам, для чего в каждом кабинете Хеседа на видном месте стоит прозрачная коробочка, которая называется цдока.

В то же время оказалось, что многие клиенты до сих пор не знают как используются в дальнейшем собранные с помощью цдоки пожертвования. Поэтому сегодня мы вынуждены снова обратиться к этой теме и ответить на самые

частые вопросы тех клиентов, которые обычно стараются, не останавливаясь, побыстрее «проскочить» мимо цдоки, независимо от того, где она стоит.

ВОПРОС. Если Хесед сам оказывает помощь своим клиентам, зачем тогда призывают нас самим делать пожертвования?

ОТВЕТ. Как известно большинству клиентов, финансовые возможности Хеседа, к нашему общему сожалению, достаточно ограничены. Поэтому помощь оказывается только клиентам Хеседа в действующих программах и на установленные нашим учредителем суммы.

Вместе с тем, бывает так, что к нам обращаются не состоящие на обслуживании в Хеседе евреи, которым нужно оказать помощь в случаях, не предусмотренных программами, или на средства, превышающие разрешенные учредителем.

В таких ситуациях для того чтобы иметь возможность оказать

помощь, и привлекают те пожертвования, которые собраны с помощью цдоки.

ВОПРОС. Обязательно ли каждый клиент Хеседа должен делать такие пожертвования в цдоку?

ОТВЕТ. Нет, вовсе не обязательно, так как помощь — дело добровольное, которое в основном основано на добротности и душевных качествах человека. Поэтому заставить кого-то оказывать помощь кому-то просто нельзя, и никто этим заниматься не будет.

Только грустно становится от осознания того, что находятся люди, которые, только что получив от Хеседа помощь на значительную сумму, не нашли возможности опустить в цдоку хотя бы одну-две гривны для благотворительной помощи тем, кто в ней крайне нуждается.

ВОПРОС. Кем, как и когда изымаются из цдоки

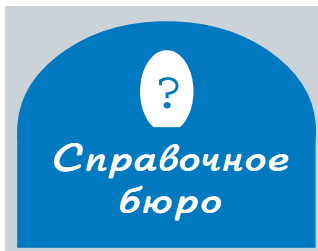
пожертвования, и на кого эти пожертвования расходуются?

Как положено в таких случаях, каждая цдока в Хеседе заперта на замок и опечатана. И каждая цдока один-два раза ежемесячно представляется в специально созданную комиссию, состоящую из 5-6 человек, которая публично снимает печать, открывает замок и считает и пересчитывает собранные пожертвования.

Каждое открывание цдоки оформляется специальным протоколом, а денежные средства бухгалтерия помещает на специальный благотворительный счет. И каждый случай оказания кому-либо помощи средствами с этого счета происходит только по решению Социальной комиссии Хеседа.

Поэтому не только сама цдока, но процедура оказания помощи из цдоки «прозрачная», гласная и контролируемая.

И мы со всей искренностью и доброжелательностью просим наших клиентов не забывать о цдоке, которая, не дай Б-г чтобы оказалась пустой именно тогда, когда каждому может понадобиться ее помощь.

Доска объявлений

Внимание!

Перечень продуктов, которые с 1 июля с.г. со скидкой 8% дополнительно отпускаются в магазинах сети супермаркетов "Копейка" из средств, начисленных на пластиковые карточки.

(Окончание. Начало в № 58)

Скумбрия Волков м.с. кг.
Скумбрия Фабрикант с.с. кг.
Салака Либра х.к. кг.
Сельдь Либра м.с. неразделанная кг.
Мойва Либра 250г х.к. шт.
Мойва 200г х.к. шт.
Плотва Черкассы вяленая кг.
Яйцо куриное бшт. уп.шт.
Яйцо куриное Росток 10шт. 1 кат.шт.
Яйцо куриное Росток 15шт. отборное шт.
Яйцо куриное Украина 10 шт. уп.шт.
Спред Золотава 72.5% солодковершковый кг.
Сыр Звенигора звенигородский 50% кг.
Сыр пл. Звенигора 100г ассорти фольга шт.
Биокефир 0.01 1л 2.5% бут.
Масло 0.01 200г 72.5% шт.
Сметана 0.01 500мл 15% шт.
Масло растительное 0.01 1л бут.
Масло растительное 0.01 3л бут.
Ряженка Веселый пастушок 490 мл 2.5% п.э шт.
Сметана 0.01 200г 15% ст.шт.
Горошек 0.01 540г шт.
Кефир Добряна 1л 2.5% бут.
Икра кабачковая 0.01 500г шт.
Молоко Буренка 1л 2.5% рикеп шт.

Масло Селяньске 200г 73% сладкосливочное шт.
Масло На здоровье 200 г. 82,2% вологодское экстрасливочное шт.
Сметана 0.01 200г 20% ст.шт.
Сметана 0.01 400г 20% ст.шт.
Сметана Президент 200г 20% ст.шт.
Картофель белый премиум 0.01 фасовка кг.
Лук Кенди 0.01 фасовка кг.
Чеснок 0.01 фасовка кг.
Буряк круглый кг.
Капуста белокочанная кг.
Капуста молодая Украина кг.
Картофель белый кг.
Лук Кенди кг.
Морковь Голландия кг.
Морковь Коротелька кг.
Яблоки Айдарет кг.
Яблоки Голден желтые Польша кг.
Яблоки Голден мелкие кг.
Яблоки Семеринка кг.
Яблоки Чемпион кг.
Изюм Лиза 150г шт.
Вода 0.01 5л столовая бут.
Кофейный напиток Галка 100г життедайный м.у. шт.
Чай 0.01 20п. Лесные ягоды шт.

Чай 0.01 20п. малина шт.
Чай 0.01 20п. мультифрукт шт.
Чай 0.01 20п. мята шт.
Чай 0.01 20п. черная смородина шт.
Чай 0.01 20п. черника шт.
Чай 0.01 25п. ромашка шт.
Томатная паста 0.01 550г шт.
Фасоль 0.01 530г деликатесная с.б. шт.
Шампиньоны 0.01 465г маринованные шт.
Чай Ахмад 25п. английский №1 шт.
Свежая рыба в ассортименте кг.
Чай Ахмад 25п. зеленый жасмин шт.
Чай 0.01 150г черный вьетнамский м.лиственной шт.
Чай 0.01 150г черный цейлонский листовой шт.
Чай 0.01 240г черный цейлонский листовой шт.
Чай 0.01 80г зеленый китайский листовой шт.
Сыр 0.01 моцарелла кг.
Сыр 0.01 российский кг.
Сыр 0.01 чеддер кг.
Масло 0.01 72.5% крестьянское шт.
Масло 0.01 82.5% вологодское шт.
Мюсли 0.01 450г тропик кг.
Мюсли 0.01 450г фрукты кг.
Мюсли 0.01 450г премиум фрукты кг.
Мюсли 0.01 450г экзотик кг.

Тепло человеческой памяти

Человеку свойственна, как писал А.С.Пушкин, "любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам", другими словами, душевная привязанность к тем местам, где жили предки. Хорошо, конечно, если человек и сам живет там, потому что можно пройти по улице, по которой ходил в школу будущий дедушка или заглянуть во двор, на асфальте которого играла в классики будущая мама. Но не всем выпадает такое везение. Я живу в Одессе, а отец мой, Илларион Гаврилович Печерский, и мать, Фаина Ульяновна, урожденная Збрижер, — из села Гершуня, что в 22 километрах от молдавского города Рыбница.

В этом городе жила моя бабушка по материнской линии, Ида Марковна Сандлер, — известная и почитаемая тамошними жительницами портниха. С началом оккупации, в самое опасное время, бабушку с детьми, в числе которых была моя мама, прятала в подвале своего дома ее добрая и отзывчивая знакомая Марфа. Позже бабушка с детьми все-таки попали в гетто, с Б-жьей помощью выжили и всегда были несказанно благодарны своей спасительнице и оказывали ей всяческие знаки внимания.

Бабушки Иды давно нет на свете. И в этом году, в преддверии праздника Песах и Дня Победы, я с двоюродным братом отца Яковом Григорьевичем Шилькройтом, бывшим узником гетто, нынешним жителем США, побывала в дорогих моему сердцу местах. Начали мы с Рыбницы, куда в детстве каждое лето мама привозила меня отдыхать и помогать бабушке. Нынешняя Рыбница совсем другая — красивая, чистая, ухоженная, с цветами на улицах, но по-прежнему населенная добрыми приветливыми людьми. Мы побывали на кладбище, привели

в порядок могилы родственников, положили цветы и камушки.

Из Рыбницы по хорошей дороге мы поехали в село Гершуня. В детстве я всего один раз была там с родителями, но запомнила, где стоял домик, и мы сразу подъехали к нему. До войны здесь жили близкие мне люди: дедушка Гаврил Печерский, всеми уважаемый колхозный бригадир, старейшина тогда еще большой семьи, его жена — папина мама и моя бабушка Рейзя Иосифовна, сестра бабушки Эня Иосифовна и ее муж Вольф Ройтер.

Его и дедушку фашисты расстреляли, бабушка, папа и все родственники попали в Рыбницу в гетто, условия содержания в котором были жуткие. Однажды папу посчитали умершим, вывезли на подводе и бросили в общую могилу. Но тут произошло то, что иначе как чудо не назовешь: это увидела проходившая мимо двоюродная сестра Надежда Ефимовна Дувидзон, ей показалось, что папа дышит и она побежала за родственниками, которые ночью вытащили его, перенесли в хилье и выжили.

Он стал потом достойным своего отца: заботился о родне, был честным, благородным и уважаемым человеком, и это не только мои дочерние суждения. Тридцать три года он отдал армейской службе, которую закончил в Одессе начальником штаба полка связи, был депутатом горсовета, строгим, но справедливым командиром, требовательным к подчиненным и к себе, заботился о солдатах, а они называли его "Батей". После службы отец двадцать лет работал военруком в 103-й

одесской школе, был в числе создателей поста №1 возле памятника Неизвестному матросу в парке им. Шевченко. Он умер в 1995 году, и директор школы долго не могла найти достойную замену.

Но все это было потом. А после войны семья отца перебралась в Бельцы. В домике в селе Гершуня поселились бабушкины сестры Клара и Хая, которые остались без крова над головой. Клара учительствовала, Хая была портнихой и обшивала все село. На столе у нее стояла стеклянная банка, куда люди бросали деньги за ее работу. А те, кто нуждались, приходили одалживать деньги и сами доставали их из этой же банки, потом, возвращая долг, туда же клали их. О

Кларе и Хая с большой теплотой говорили мне нынешние жильцы старого домика. Они сохранили сдвинных времен оставшуюся над входной дверью и одним окном надпись на иврите "Благословен тот, кто вошел в этот дом". И никто с неблагоприятной целью никогда не проникал в домик, где они жили, через эту дверь и это окно. А через другое окно, над которым такая надпись отсутствовала, однажды залезли воры...

Встретились мы с местной жительницей Галиной Сналицкой, соученицей папиного двоюродного брата Семена Ройтера, которая много рассказала о нем и других наших родственниках. Нужно ли говорить, что значили для нас ее рассказы, согретые теплом человеческой памяти.

Юлия Печерская

Пусть знают те, кто этого не видел

В одной из одесских газет я прочитала интервью с молодыми людьми, посвященное героической обороне Одессы в 1941 году. Один из них сказал буквально следующее: "... Для меня непонятно, почему Одесса — город-герой. Как житель этого города, не раз бывал на Мемориале 411-й батареи. Видел там пушки, другую военную технику. Правда, что бы это значило — не понимаю". Хочется думать, что среди опрошенных не было коренных одесситов, чьи родители, бабушки и дедушки не поведали бы своим внукам о подвиге Одессы.

Все, о чем хочу рассказать — не только мои воспоминания. Это, прежде всего, воспоминания моих близких, соседей, очевидцев, которых, к сожалению, уже давно нет. Для меня война началась тогда, когда отец и мать, оживленно обсуждая какую-то книгу, неожиданно замерли. В дверях стояла бабушка. Опустив на пол базарную корзину и растерянно прижимая к себе букет из ромашек и васильков, она побледневшими губами выдохнула: "Война!". Помню я и тот дом в Малом переулке, в который спустя месяц после начала войны попала первая бомба.

Я никогда не забуду ночь с 7 на 8 сентября. Днем в помещении Русского театра с военных кораблей привезли моряков. Здесь они должны были переодеться и отправиться на защиту окруженного города. Немецкая разведка, очевидно, узнала об этом и решила их уничтожить. Говорили даже, что с крыши нашего дома кто-то фонариком подавал сигнал. Ночная бомбежка была долгой и яростной. Во время налета мы обычно спускались с третьего этажа в глубокий подвал дворницкой. В эту ночь нацеленная на театр бомба снесла четвертый этаж нашего дома и, перелетев через дорогу, уничтожила жилой дом, оставив от него лишь повисшие в воздухе пыль и дым. Взрывной волной меня из комнаты вынесло в коридор, а в доме напротив погибли все. В живых остался только мой одноклассник — веселый, рыжий, веснушчатый мальчишка, которому надоело сидеть в бомбоубежище, и он незаметно выскочил на улицу, сбжав от матери и брата-близнеца. Именно в эту ночь под Дальником, Вакаржанами или Дачном /точно неизвестно/, где воедино смешались огонь, техника и человеческие жизни, в числе многих погиб и брат моей мамы. Уйдя из жизни, моя бабушка так и не узнала, что в поселке Дачное на братском кладбище есть мемориальная табличка с его именем и фамилией. Здесь много венков и живых цветов, а тишину нарушают школьные звонки и звонкий говор детворы, спешащей на уроки. Хочется думать, что они-то знают, что означает склоненный над могилой воин и каким ужасом и страданиями были наполнены те, охваченные пламенем дни.

А Одесса в страшном пекле 41-го года, при почти постоянном безводье, продолжала мужественно бороться. Воду в город подавали редко. Чаще всего неожиданно и на

очень короткое время. Были даже попытки использовать морскую воду. Вкус супа и чая, сваренных на этой воде, остался в памяти до сих пор. В некоторых городских домах были старинные колодцы, и сюда стягивались жители целых улиц. Мы с мамой ходили брать питьевую воду на Ланжероновский спуск, где из стены одного из домов выступала узенькая труба, из которой медленно сочилась водная ниточка. Люди простаивали тут часами, уже почти не обращая внимания на бомбежки. Жажда была сильнее страха. В редкие минуты фронтового затишья, когда на полях Лузановки, Крыжановки, Григорьевки от зловония нечем было дышать, противники заключали краткое перемирие, чтобы выйдя из окопов захоронить убитых, а возможно, и спасти кого-то из оставшихся в живых.

Постепенно город пустел. Эвакуировались предприятия, оставляли свои дома одесситы. Опустевшие магазины чернели выбитыми окнами и распахнутыми дверями. А на стенах домов появились листовки, призывающие остающихся одесситов вести беспощадную борьбу с врагом. Эти же призывы раздавались из неожиданно включающихся домашних и уличных громкоговорителей. В городе без продовольствия, воды и света оставались беспомощные старики, инвалиды, больные, женщины и дети. Оставались люди, которые не смогли или же не захотели оставить свой кров, полагаясь на высокую арийскую цивилизацию. Оставались люди, которым, кроме борьбы с врагом, нужно было просто есть, пить, ухаживать за близкими, больными, которых оставить было нельзя.

Забывая о том, чтобы богатейший урожай этого лета не достался врагу, большеглазых, длинногровых красавцев-битюгов подводили к причалам и вместе с подводами, груженными чистейшим золотом отборного зерна, стлывали в море. А перед самым уходом из города, "рачительные хозяева" подожгли в порту элеватор, и стойкий запах горелого зерна упорно заполнял улицы, дома и легкие людей. Вкус испеченного из этого зерна хлеба памятен мне до сих пор. Он пах дымом, колоса устюгами и, даже будучи голодными, есть его было невозможно.

Сменив яркий летний наряд, пустующий город оделся в броню баррикад. Теперь вместе с соседями мы поселились в бомбоубежище дома, где находился кинотеатр им. Г.Котовского. Тогда еще никто не знал, что на рассвете 16 октября город был оставлен. Румыны вошли, когда начало смеркаться. Едва бомбоубежище оставил последний человек, как раздался взрыв и пламя охватило дом, который всего несколько минут назад был укрытием для тех, кто в

Старый домик и надпись над дверью

Строительство баррикады. Лето 1941 г.

ужасе замер, оказавшись в одно мгновение в каменной ловушке переулка. На Дерибасовскую выйти было невозможно — высокая баррикада. На Греческую выход закрыт летящими железными коробками, которые выбрасывали объятые пламенем серпантинные кинолент. Сразу стало очень светло, очень красиво и очень страшно. Воды нет, гасить нечем и подступиться к такому огню оцепеневшим женщинам и детям тоже невозможно. А вокруг бегают в непривычной форме, выкрикивая незнакомое слово "апа, апа" ("вода, вода") солдаты.

Вместе с осенними сумерками в Одессу вошла оккупация. Так начался первый день затаенного, упорного сопротивления. А впереди предстояли взрыв на Маразлиевской и безвинные смерти заложников, виселицы, расстрелы и огонь, сопровождавшие любые действия партизан. Еще никто не мог представить себе, что очень скоро по замерзшим улицам города беспощадно и безжалостно будут хуже скота гнать на смерть колонны евреев с извечно грустными и опустошенными обреченностью глазами. Еще впереди

был кандальный проход истерзанных войной, пленом и цепями моряков-севастопольцев, которых немцы окрестили "черной смертью". Я еще не знала, что через всю жизнь пронесу картину, где мама стоит в парадном, а рядом с ней — выложенный немецкий офицер с циничной улыбкой, приставивший к ее виску пистолет.

Неведомо мне было и то, что незнание языка и любовь к картам могут в самую критическую минуту спасти жизнь, когда при обыске в книжном шкафу на виду стоял Манифест Коммунистической партии, а рядом лежала новая колода карт. За 907 дней оккупации мама, на руках которой оставались я и бабушка, пережила многое. Она была ответственна за нас и еще каким-то чудом спасла из дома на Приморском бульваре двух заложников, а перед самым освобождением города вместе с соседкой спрятала двух мужчин, бежавших от отступающих немцев.

И кто тогда из оставленных на произвол судьбы людей мог представить себе, что за все это им "в награду" будет подарена графа в анкете, которая по воле высших властей в течение многих лет ломала и калечила людей, отданных на милость и откуп врагу. Сегодня многим этого не понять. Конечно, молодой житель нашего города, высказывание которого я привела в самом начале, может спросить: "Ну и что? Тогда всем было трудно". Всем было трудно, особенно защитникам осажденного города. Но одесситы, добрые, веселые, кажущиеся беззаботными, 73 дня защищали свой город и не оставили бы его, не будь на то приказа.

Евгения Лукьянова

Семен Соломонович Юшкевич, писатель, драматург, родился в 1868 г. в Одессе. С 1890-х годов занимался литературной деятельностью. Автор рассказов, повестей, романов. В 1903–1922 годах опубликовано 15 драм и комедий Юшкевича, которые ставили в театрах Москвы, Петербурга и других городов, некоторые из них были переведены на идиш и ставились в еврейских театрах. В 1914–1918 годах в Петрограде вышло полное собрание сочинений Юшкевича в 14-ти томах. С 1921 года он жил во Франции, затем – в США, умер в Париже в 1927 году.

Из воспоминаний писателя Бориса Зайцева

Я много лет знал покойного Семена Соломоновича, но впервые его "почувствовал" как следует и, быть может, понял лет десять назад, в Москве, — мы встречались довольно часто в пестром и шумном предреволюционном кафе Бома. Большой лоб Юшкевича, большие руки, уши, нервный и горячий говор, удивленные, светлые и добрые глаза с очень детским оттенком живо помнятся среди мягких диванов Бома, в накуренной комнате, где встречались прапорщики, писатели, актеры, вечно бывали разные дамы. Юшкевич всегда горячился и всегда спорил, со страстью утверждал свое. Он очень любил разговоры о литературе, кипел беззаветно и самым искренним образом воспламенялся... Именно тогда я увидел в нем "нашего", очень, навсегда отравленного литературой — а значит, сотоварища. И добрую его природу тогда же почувствовал. Эти впечатления потом только подтвердились.

В эмиграции еще чаще приходилось с ним встречаться. Он так же любил шумно и горячо говорить о литературе, хохотать, сидя в дружеской компании за бутылкой вина, и еще ясней раскрылась (для меня) одна его прекраснейшая, трогательная черта: беспредельная, воистину "неограниченная" любовь к семье — жене, детям.

Даже казалось, что его жизнь вообще ориентирована по этим близким... и возможность заработка интересны не столько для писателя Юшкевича, сколько для Юшкевича — мужа и отца.

Но одной стороны раньше я в нем не знал или, может быть, на чужбине она сильнее выступила: это общая горечь отношения к жизни, пессимизм, безнадежность. Сыграло ли тут роль изгнанничество? Надвигавшаяся болезнь, упорно направлявшая его мысль к рассуждениям о смерти? Или дало себя знать безысходно-материалистическое его мирозерцание?

Как бы то ни было, за шумностью, нервностью, иногда и за смехом Юшкевича в Париже или в Жуан ле Пен (где так дружелюбно и бесконечно приветливо принимал он нас с Буниным этим летом!) — всюду ясно чувствовался какой-то "хриплый рог". Смерть ли это давала ему сигналы? Он очень тосковал по России и тяжелей других переносил изгнание. Тут приближаемся мы к его писательскому облику.

Юшкевич нередко говорил (мне и Бунину): — Вам хорошо, вы рождены Москвой, а я Одессой.

ЕДУТ

В первый раз после похорон дочери, своей Манечки, сначала изнасилованной, а потом убитой в погроме, Хова показала в лавочке... Как тяжело было ей ходить по двору! Вот это было здесь... Так это было...

Нет, она не будет думать.

Казалось ей, что из всех окон глядят на нее любопытные и, сдерживая слезы и думая о том, что напрасно ее Бог обидел такой страшной обидой, она выскользнула из ворот...

— Я стала еще меньше, — говорила она, здороваясь с лавочницей, — ну, ничего, так Бог хотел. А когда Бог хочет... Вот, опять пришла к вам! Да, да, знаю сколько должна вам... Но... мой дурак заплатит. Не бойтесь.

Лавочница Гелла, сухая с дикими глазами, стянула свои тонкие, бескровные губы... Что? Разве погромщики ее не ограбили? Не растаскали всего, что было здесь на полках? Что у нее — на миллион товару в лавочке?

— Вы не должны рассказывать, — смиренно говорила Хова. — Зачем слова? Но вы новый человек в нашей улице и не знаете... Как живет маклер? В долг! Вот за квартиру мой дурак два месяца не платит, но хозяин нас не выбросит на улицу. Он знает. А захочет Бог, и маклер вдруг сто рублей заработает... Итак, дорогая моя, в долг это крутится, в долг жизнь крутится.

— Я понимаю, — ответила Гелла после молчания, — но где же достать для всех? Кто я теперь со своей лавочкой? Раньше хоть муж приносил домой четыре рубля в неделю или пять, но вы ведь знаете, что его калеккой сделали... Сломали ему обе руки — и правую, и левую... Что, — он ногами может шить?

— Дорогая моя, — попросила Хова, — дорогая моя... Ведь я сейчас расплачусь.

Обе заговорили шепотом об ужасах избиений, и обе заплакали, испуганные своими словами...

— Отсюда нужно уехать, — настаивала Гелла. — Что мне ни говорят, — я знаю одно: нас всех истребят. Наступит когда-нибудь ночь, одна такая ночь, из дому в дом будут ходить разбойники с топорами и всех, сколько нас есть, в одну такую ночь уничтожат. И я говорю моему старому: "Уедем!.. Продадим лавочку, и пусть они будут прокляты!"

Вошли две покупательницы и, узнав Хову, заговорили с ней о бедной Манечке. И вдруг, неизвестно как, перешли на судьбы евреев.

— Вот все собираются, — сказала старшая жестким голосом. — Может быть, думаете, что я здесь еще долго останусь? У меня сын... имею уж хорошего сына... Еще немного, и он возьмет меня к себе... "туда"! Слава Богу, слава Богу!

— А у меня зять, — сказала вторая... — "там" у него фруктовая лавка, и я буду продавать у него в фруктовой лавке... Таки и буду продавать, — сберегу ему копеечку...

Как одуревшая, возвращалась Хова домой. Везде одно и то же... Страхи и бегство. Зачем же им оставаться здесь? Не довольно ли одной жертвы, бедной Манечки? Она вдруг посмотрела на небо, будто душа Манечки поманила ее, и с умилением и со скорбью подумала:

— Тебе уже хорошо, дорогая моя, жертва моя, — а с нами что еще будет?..

В комнате она нашла гостей: маклера Лейзера и Вейца. Коган, ее дурак Коган, ходил по комнате и размахивал руками.

— Ну зайди уже, — взволнованный крикнул он. — Послушай-ка Лейзера... Что он говорит!

Хова очень любила Лейзера и за его степенность, и за умение кругло и красиво рассказывать даже о пустяке. Он был высокий, толстый и похож на купца. Руки у него были толстые, широкие плечи, крупный нос, и ей это нравилось. Не то, что ее Коган, маленький, как цыпленок, с тонким голоском...

— Я слушаю вас, как отца, — мягко выговорила она, садясь и кладя на стол пакет с картофелем и мукой. — Почему же вы не пришли с вашей Розой?

— Смотри-ка, — вмешался Коган и застегнул жилетку, — Семка не дает-таки говорить. Скажи ему, Хова. Вот так весь вечер он мелькает перед глазами.

— Семка, — строго произнесла Хова, но вдруг, раздумав, взяла мальчика на руки. — Ну, полежи у груди своей матери... Хорошо тебе? Молчи, молчи, — слушай, что дядя говорит.

— Если вы спрашиваете о моей Розе, — переждав, сказал Лейзер, — так я вам скажу, что она не могла прийти. Вы уже довольны, Хова? Нет, вы как будто недовольны, и потому я скажу вам, что она немного нездорова.

Семен Юшкевич.

— Говорите же Лейзер, — сорвался Коган, расстегнув разом одним движением пальца все пуговицы жилетки. — Вы ведь начали о России.

— Вот это интересно, — пробасил Вейц, сидевший в углу, темный, хмурый человек.

— Придем и к России, — успокоил всех Лейзер и сдвинулся со стула так, что теперь полулежал на нем. — Нужно же кончить с моей дорогой Розой... Камни! Что такое камни? И они тоже болезнь? Но когда они в печени, то это другой вопрос. Выходит так: камни ползут в печени. Ну! И тут мы вышли на свет...

Он заметил, что заинтересовал всех, и постепенно разгорался. Было похоже на то, что он играл словами, как кот мышонком.

— Слушайте же! Или моя Роза кушает деликатные кушанья, потому что в деликатных кушаньях нет камней? Так об этом нечего разговаривать. Что еще? У Розы сердце начало сильнее колотиться в груди. Пусть будет так! И почему нет, спрошу у вас? У вас не колотится? Или, слава Богу, у нас нет погромов? А если вы еще будете дураками и спросите, здоровы ли ноги у моей Розы, а я вам отвечу, то вы лучше меня будете знать, как чувствует себя моя Роза. Ноги у нее распухли... Почему? Вот этого я не понимаю. Должен человек ходить, почему пухнут ноги? Должен он лежать, — не давайте ему ног... Весь вопрос в двух словах: да или нет.

— Я не вижу, чтобы вы были веселы, — грустно отозвалась Хова.

— А если я скажу вам, — сатирически ответил Лейзер, — что весел или не весел, то уже на нас посыплется добро?... Вылечатся все печени, сердца перестанут быстро колотиться, и сгинет наше маленькое еврейское горе...

— Вот это вы хорошо сказали, — опять отозвался Вейц, тыкая кулаками вверх.

— Я еще лучше скажу, — круто оборвал его Лейзер. — Здесь наше маленькое еврейское горе никогда не излечится, и потому отсюда надо бежать.

— Говорите же, говорите, дорогой Лейзер, — задыхаясь от волнения, заговорил Коган, с быстротой молнии застегивая и расстегивая жилетку.

— Говорите, — попросила и Хова. — У вас можно учиться. Вы не то, что мой дурак. Когда он говорит, — я пугаюсь... Он говорит неясно и... страшно.

— Пусть будет так, — уныло ответил Коган, — но деньги я приношу, когда зарабатываю? Но муж хороший?.. Не пью, в карты не играю. А убежать, как все, со всеми, разве не могу? Я, может быть, могу побежать первым, если нужно будет.

— Ты бы замолчал, — со страданием крикнула Хова, закрыв уши руками. — К чему тебе говорить? Лейзер, значит, нужно так бежать? Скажи правду. Все говорят, все уезжают... Но вы скажите.

— Ага, — вырвалось у Лейзера. — Это увлекает всех: там и здесь! Слышите: там и здесь! Кто мы? — Он стал быстро загибать пальцы, начав с мизинца. — Бедные, немощные, проклятые, голодные и... в земле! Уже пять качеств. Пойдем дальше... Миллионы детей, миллионы болезней, миллионы забот, миллионы погромов и... Россия. Еще пять качеств. А еще пять тысяч раз по пять я не насчитаю? Ага! И после всего... Россия? Что значит Россия? Россия значит страна, где режут евреев. Не мучьте своей головы вопросом: почему? Что? Образованный народ, нежный народ? Татары, татары, и татары!... Нет, нет, — нет, не рассказывайте нам сказок, что если уже начали резать евреев, то это предвещает добро для всех. Резали, режут и будут резать, как овец. Спросите же — кого? Евреев! Может быть, думаете вот таких только маленьких бедных? Всех! Спрашивается, что должны делать евреи? Это мы знаем. А что должен сказать такой, как вы, Коган, или как вы, Вейц, или как я, Лейзер? Ну, что? Что?

— Я знаю, — отозвался Вейц.

— Все вы знаете, — рассердился Лейзер. — Я вам скажу, что. А ну-ка, — должен сказать я, — Лейзер, больная жена и деточки, покажите, как вы убежите из России...

— Прекрасно, — крикнул Коган.

— Ну, сделай и ты прекрасно, как Лейзер, — загорелась Хова. — Дурак ты! Садись. И зачем ты по комнате бегаешь? И оставь жилетку. Ты уже все пуговицы оборвал на ней... А куда вы едете, Лейзер?

— Что значит куда? — удивился Лейзер. — Разве есть два места, куда можно было бы уехать? Прямо в Америку. Пусть будет не прямо, но в Америку. Стойте, не шумите...

Рассказы

Спрашивается, кто я, Лейзер, здесь? Ответ: Собака! Две собаки! Еще кто? Паршивый жид, которого всякий может бить, грабить и всё другое, что вы сами уже знаете. А там? Знаете? Ну, скажите, если знаете.

— Я знаю, — отозвался Вейц.

— Молчите, Вейц, — шепнула Хова.

— Там я, — торжественно сказал Лейзер, — янки! Не Лейзер, а янки Елеазар. Вот кто я там. Янки Елеазар! Я иду по улице со своей женой и деточками... Идет янки Елеазар в Америке со своей женой и деточками и... никого, никого не боится!..

— Будь у меня деньги, — крикнул Коган, — завтра моей ноге не было бы в России.

— Нет, нет, — заволновалась Хова, испугавшись его порыва. — Я сама об этом подумаю. Ты не вмешивайся. Тебя ведь нужно бояться. Вот ты загорись и вот тухнешь. Вдруг ты вздумал портным сделаться... Помнишь? Вдруг ты вздумал лошадьми торговать...

Она стала рассказывать о подвигах Когана, и он будто слушал интересную сказку о ком-то, пожирал ее глазами, кивал головой и смеялся, как ребенок, когда она вспомнила, что однажды он решил сделаться извозчиком...

Но в голове его уже плыли соблазнительные картины отъезда из России.

— Подожди, подожди, — крикнул он. — Что-то рождается в моей голове. Как сказал Лейзер? Янки Елеазар? А меня как будут звать там? Янки Коган? Говорю вам, что я еду... За имя янки — готов отдать свою жизнь. Завтра иду в город. Нахожу кошелек с деньгами. Завтра иду в город. Является сотня дел. Не мешай мне, Хова.. Слушайте...

Он заволновался и возвысил голос. Так хотелось ему хорошего, человеческого, что вся правда страшной жизни как бы по волшебству отошла от него, и все, увлеченные его голосом, его жестами, сверканием глаз, на миг покорились ему... Да, через неделю все едут, все едут!

— Ну, ну, — подгонял его Лейзер, — не останавливайтесь же! Ну, ну...

И Коган продолжал творить свою сказку, находя каждый раз новые, удивительные слова, и так страстно была жажда по тихой спокойной жизни, что и Хова покорилась ему.. Через неделю они уедут!..

ПОРТНОЙ

Вот уже с месяц, как портной Иерохим шьет у себя на дому. В этот день, когда начинается рассказ, он с минуты на минуту ожидает хозяина дома, который еще вчера обещался зайти за квартирными деньгами, и каждый раз тревожно выглядывает в окно, — не идет ли?

Он успел уже облить водой кончики пальцев, наскоро помолиться, продумать целый ряд грустных мыслей и несколько раз рассердиться на докучливые приставания детей.

Сидит он теперь, заложив одну ногу на другую, непричесанный, в одной рубашке, босой, и лицо его сонное, помятое.

Он шьет нервно, торопливо, но часто мигает глазами, и потому работа его подвигается медленно.

На другом конце комнаты возится с детьми жена его, Ципка, худенькая заморенная женщина, с сосредоточенным и скорбным лицом. Она стоит над корытом и моет восьмилетней Ханке голову горячей водой, думая свою однообразную, печальную думу, не подозревая, что горячая вода жжет Ханкину голову, и что ногти ее чуть не до крови царапают у Ханки кожу. Она моет, моет, скребет и зорко вглядывается в воду, почернела ли она от грязи. Ханка худенькая, тоже заморенная, но умная девочка. Она твердо знает, что кричать нельзя, и потому употребляет геройские усилия, чтобы легко подаваться во все стороны, куда мать гнет ее. Ханка знает, что самое ужасное в этой операции только впереди, когда Ципка начнет расчесывать ее густые волосы. Вот когда будет настоящее горе!

— Пусти же, — вдруг раздался над ней голос Ципки, — долго я над тобой тут стоять буду. Слава Богу, ты не одна у меня.

Ханка съезжилась и, как резиновая, стала поворачиваться, подниматься и опускаться под умелыми руками Ципки.

— Ты сказала что-нибудь, — очнувшись, спросил Иерохим и потер кулаком глаза, — или мне послышалось?

— Ничего, я сказала только, что, слава Богу, Ханка у меня не одна; ты, бедный никогда не знаешь, что вокруг тебя делается? Разве ты знал, почему у меня Ханка не одна, думал ты когда-нибудь об этом? Конечно, если человек шьет сюртук, разве он может еще что-нибудь знать?

— Ты, вероятно, встала с левой ноги, Ципка: нашла время, о чем говорить. Разве ты не знаешь, что вот-вот он зайдет за деньгами, и у меня просто сердце кончается от заботы. Разве я имею чем ему уплатить? Другая жена хоть вздохами помогла бы, а ты ругаешься.

— Ну, конечно, конечно, я непременно должна молчать. У нас ведь так хорошо, что я могу сложить руки и ничего не делать. Я прикажу моей служанке убрать наши великолепные комнаты. Потом я с деточками и моим дорогим мужем сядем пить чай. Потом мой дорогой муж пойдет в свою лавку, а я с нашими деточками отправлюсь, как все богатые дамы, погулять. А кухарка в это время приготовит нам прекрасный обед. Конечно, я должна молчать, конечно!.. Несчастный дурень, калека негодный, — вдруг набросилась она на него, — и зачем, зачем только ты женился. Если мужчина не умеет зарабатывать, то он жить не смеет, а ты женился... ты детей целых восемь душ имеешь!

— Ну, для чего, скажи, для чего ты мучаешь меня теперь? Разве это поможет? Разве я не хочу или я отказываюсь от работы? Но когда Бог наказывает человека, то Он наказывает его уже во всем! Ты только посмотри на меня, разве такие руки могут хорошо работать? Ну, посмотри же, отчего же ты не смотришь?

Иерохим встал с места, протягивая ей руки, державшие сюртук, — такой худой, узкий, с всклокоченной седоватой бородкой, торчавшей набок, герой труда и страданий! Ципка мельком взглянула на него и быстро отвернулась. Слезы зашевелили ей глаза, и тихая скорбь охватила ее.

— Я и думала, — спокойнее начала она, — чем мне служанкой оставаться, — лучше я за кого-нибудь замуж выйду. Нельзя же вечно не иметь своего угла? Разве я дурное хотела? Мне говорили, что ты можешь заработать копейку, что ты тихий и добрый. Что я могла знать? Я думала: работаю же я у чужих, так я эту работу лучше для себя сделаю. Я буду работать, ты будешь работать. Пока годы идут, можно и копейку отложить. Сколько девушек я знала таких же, какой и я была. И они вышли замуж. Конечно, они от этого не стали богачками, потому что от этого не становятся богатыми. Но все-таки они живут, дай Бог и мне так. Они и работают, они и отдыхают. А я, знала ли я хоть одну спокойную минуту у тебя, субботу я знала! Праздник я знала! Работай для черта, и ничего больше. Сегодня вымыла, вычистила, сегодня починила, завтра починила, а отложила ли я хоть копейку, спроси? Когда я служила, то знала, что каждый месяц у меня четыре рубля останется. Иначе откуда я бы взяла дать тебе к свадьбе пятьдесят рублей, если бы не откладывала? Попробовала бы я теперь откладывать. Я бы вечно в девушках осталась. А почему все это? Потому что ты калека, а не портной; ты умеешь только пословицу сказать, а не сшить сюртук.

Ципка ядовито усмехнулась, вылила в ведро грязную воду и взялась за хромоногую Любку. Семилетняя Любка со страхом ожидала своей очереди, а за ней шли Давидка, Левка, Берка, Софка, Розочка.

Иерохим от природы был человек тихий и не задорный и спорить не хотел. Разве споры чему-нибудь помогают? Пусть Ципка немножко не права, но разве ему-то от этого легче?

А Ципка все не унималась. Теперь она уже свернула на то, что вообще происходило в то время, когда она еще девушкой была; потом на то, что Иерохим сейчас же после свадьбы поселился с молодой неопытной женой у своей сестры, которая съедала ежедневно у Ципки то, что она еще у матери из груди высосала; потом шли воспоминания о том, как их гнали из квартиры на квартиру; далее шли жалобы на то, что теперь она, Ципка, должна жить рядом со старшей сестрой Иерохима, такой же змеей, как и младшая. Иерохим не знал, куда спрятаться от ее уколов.

— Ну довольно уже, довольно, — бормотал он. — Умывай своих детей. Разве непременно нужно говорить, когда работаешь? Тише, вот он идет.

Иерохим вдруг замолчал, точно внезапно задавленный.

Ципка тоже замолчала и затрепетала. Судорога пробежала по ее телу, и дыхание упало. Что они теперь будут делать? Несчастливая дура, и зачем, зачем только она вышла замуж!

А хозяин входил уже. Не ведая и не подозревая, что вызывал в этих бедняках его приход, он спокойно потребовал денег.

Иерохим стоял навтыжку и коснеющим языком просил отсрочки.

Он еще вчера относил работу, но ему не уплатили и просили подождать несколько дней. Что Иерохим мог сделать: портные ведь всегда должны ждать. Но это ничего,

это совершенно ничего. Ведь хозяин такой добрый. Он всегда жалел Иерохима. А Иерохим исправный человек, Иерохим всегда был и будет исправным. Только бы Бог дал, чтобы ему честно платили за работу, а Иерохим чужой копейки не замочит, нет, нет!

— С вами всегда больше возни, чем со всяким, — нахмурился хозяин. — Жди да жди, всегда одна песня; великое дело четыре рубля собрать за месяц.

— Я разве не хорош? — затревожился Иерохим. — Ну я днем позже плачу, ну что же тут такого? Я ведь исправный, я всегда исправный, я чужую копейку не люблю мотать. Вот только, Бог даст, получу и первому вам, вам первому, сами есть не будем. Правда, Ципка?

Иерохим дрожал, выпаливая эти слова, и с тревогой думал, что хозяин, пожалуй, уже и сдал другому квартиру. А куда он пойдет со своими детьми? Кто примет его с кучей детей за четыре рубля в месяц? А денег на перевозку рухляди где он возьмет, где взять на задаток? Ципка давно уже бросила Любку, так и оставшуюся у корыта, и при последних словах Иерохима подошла вплоть к нему, как бы желая защитить его и подтвердить его слова.

— Так когда же, однако? — спросил хозяин.

— Завтра, завтра, — быстро ответил Иерохим, — конечно, завтра, ну самое позднее, так послезавтра. Я исправный человек, ей-Богу, я ничьей копейки не замочу, нет, нет!

Хозяин, не отвечая, вышел.

— Вот кто меня доконает, — пробормотал Иерохим, — вот где моя смерть!

Ципка с ненавистью глянула на Иерохима и принялась опять за Любку.

— Знаешь, что я тебе скажу, — прибавил Иерохим, — я, кажется, скоро ослепну. Я положительно перестаю видеть. Каждый раз у меня темнеет в глазах, и я не вижу, куда ткнуть иголку. Прямо Бог наказывает нас.

И он кулаком принялся протирать глаза. Ципка взглянула на него и с силой вонзила гребень в волосы Любки. Любка завизжала.

***

В последнее время, по одному довольно важному обстоятельству, вопрос о плате за квартиру выступил в жизни Иерохима во всей своей жестокости и принудительности.

Младшая сестра Иерохима Фейга, та самая, которая съедала ежедневно у Ципки то, что она еще у матери из груди высосала, лет восемь тому назад вышла замуж за портного, человека достаточно смышленного и дельного.

Этот веселый человек, своим умением отыскать заказчика, ладить с ним, угодить ему, за два года усидчивого и упорного труда сколотил сотню рублей и на эти деньги открыл лавочку готовых платьев на толкучем рынке.

Ему и там повезло.

Тогда он расширил дело и устроил при лавочке мастерскую. Вот к нему-то после многих просьб и унижений Ципки попал Иерохим, работник неважный, но человек, с которым можно было сделать решительно все. Иерохим пробыл там шесть лет, едва-едва сводя концы с концами, и каждый год втягивался все больше в разорение, благодаря своей семье, которая расплодилась с неизбежной последовательностью из года в год. Немало горьких и тяжелых минут пережил Иерохим в этой среде, где каждый считал нужным поглумиться и над его неспособностью к работе, и над его умом, и над тем, что каждый год он обогащается наследником или наследницей.

Иерохим всегда молчал, не отвечая ни на заигрывания, ни на глумления, и все больше уходил в себя, думая о своей жене, о своих детях, которых по-своему любил и обожал, никогда, однако, не обнаруживая перед ними своих чувств.

В последние два года, словно снег на голову, упала на Иерохима и новая, более крупная и грозная беда. У него испортилось зрение. Глаза стали слезиться и закисать, и что-то серое, как редкий туман, прозрачное, раз и навсегда повисло перед его зрачками. Вскоре появились и сильные головные боли, которые раз от разу становились невыносимее.

Но он был настолько хитер, что в мастерской никому не говорил об этом, хотя и чувствовал, что дело его с каждым днем становится все хуже и опаснее. Такая долгая, мучительная внутренняя борьба не прошла для него безнаказанно. Он стал мнителен и тревожен. Раздражавшие и пугавшие его образы потихоньку обращались в особый, живой мир, начинавший бороться с его действительным миром, в котором он жил и страдал.

Продолжение следует

Судьба и слава Виктора Некрасова

Исполнилось 100 лет со дня рождения писателя Виктора Платоновича Некрасова. Он родился в Киеве, окончил архитектурный факультет Киевского строительного института, учился в театральной студии, работал актером и театральным художником, в годы войны был инженером саперных войск, командовал батальоном.

А потом, как писали критики, «пришел в литературу отнюдь не как литератор, — он пришел как солдат, выдавший будни войны и стремившийся только к тому, чтобы рассказать правду о них...» Эту правду он через два года после окончания войны рассказал в повести «Вокопах Сталинграда», которая издавалась почти 130 раз и была переведена более чем на 40 языков. А в 1957 г. режиссер А.Иванов снял по этой повести фильм «Солдаты».

Кроме повести «В окопах Сталинграда» перу Виктора Некрасова принадлежат такие написанные в этом же жанре произведения, как «Кира Георгиевна», «В родном городе», «Маленькая печальная повесть», путевые очерки «Первое

знакомство», «По обе стороны океана», «Месяц во Франции». С честной и бесстрашной гражданской позиции он выступил в «Литературной газете» со статьями о необходимости увековечить память тех,

Кадр из фильма «Солдаты». Командир взвода Фарбер (И.Смоктунувский) — слева, лейтенант Керженцев (В.Сафонов).

кого расстреляли фашисты в 1941 году в Бабьем Яре, приходил туда в годовщины трагедии, и это ему тоже ставили в вину.

Некрасова ругали печати, обвиняли в «ползучем реализме», п а ц и ф и з м е, подражании Ремарку, низкопоклонстве перед Западом, организации «массовых сионистских сборищ», произвели обыск в его квартире и в 1974 году вынудили уехать за границу. Он и там продолжал работать: писал прозу, статьи для газет и журналов, готовил радиопередачи, читал лекции о русской литературе. Виктор Платонович Некрасов умер 3 сентября 1987 года в Париже. Книги его, читатели, память о нем остались на родине.

Виктор Некрасов

Юрий Танин

Одесский след

Время, события, крутые повороты судьбы разбросали одесситов по всему свету, и многие увезли с собой то, пусть не самое дорогое по рыночным понятиям, но с чем никак нельзя было расстаться. Потом, по мере течения лет, они уходили из жизни, а кое-что, принадлежавшее им, обретая историческую ценность, появлялось и продолжает появляться в продаже.

Только за первое десятилетие нынешнего века «одесский след» неоднократно и отчетливо прослеживался на разных аукционах. В Нью-Йорке на всемирно известном аукционе произведений искусства «Сотбис» продавали коллекцию картин существовавшего в Одессе с 1917 по 1919 год «Общества независимых художников», что по единодушному мнению специалистов и навсегда стало сенсацией. На аукционе в Москве был старинный жетон курсанта Одесского военного училища. Берлинский же Аукционный дом Клейнод выставил на продажу серебряный знак выпускника этого училища, выполненный во второй половине 1910-х годов в мастерской известного гравера и ювелира Людвига Пахмана на Екатерининской, 14. Московская нумизматическая аукционная фирма «Монеты и медали» предлагала нагрудный знак окончивших 2-ю Одесскую

школу подготовки прапорщиков пехоты, которая при Временном правительстве комплектовалась из воспитанников высших учебных заведений. На другом московском аукционе одним из лотов был серебряный с позолотой нагрудный знак окончивших открытое в 1913 году в Одессе Сергиевское артиллерийское училище, названное так в честь его шефа Великого князя Сергея Михайловича. Этот знак имел один дефект, правда, являвший собой не что иное, как отметину времени: после февральской революции венчавшая головы двуглавого орла императорская корона была отпилена подобно тому, как вытравили символику самодержавия с кортиков флотских офицеров. На одном из аукционов появилась из Полтавы серебряная медаль «За прекращение чумы в Одессе 1837», а на другой — такая же медаль, но только бронзовая.

Изделия из металла, тем более благородного, к тому же покрытые эмалью или позолоченные, устойчивы к воздействию долгого времени. Но и бумага сплошь и рядом оказывается долговечней человека. В одной букинистической фирме Новосибирска недавно продавалась хорошо сохранившаяся, напечатанная в 1910 году

в Одессе в типографии Г.Левинсона «Агада» — сказания, притчи, изречения Талмуда и мидрашей», составленная Х.Бяликом и И.Равницким и переведенная на русский язык известным еврейским поэтом С.Фругом, автограф которого имеется на титульном листе.

С. Кишиневский. «Искатель истины». (<http://www.kabinet-auktion.com>)

В октябре 2010 года в Москве состоялся аукцион «Русская и Европейская живопись XIX — XX веков», на который были выставлены полотна И.Айвазовского, К.Коровина, В.Маковского, А.Саврасова, И.Шишкина, многих других художников. Одесса была представлена работой С.Кишиневского «Искатель истины» — исполненным тушью на бумаге портретом старого еврея.

График и живописец Соломон Яковлевич Кишиневский (1862-1942) учился в Одесской рисовальной школе, в академиях Мюнхена, Парижа, Рима (1884-1888). Выступал в периодической печати с критическими статьями, состоял в основанном в Одессе Товариществе южнорусских художников, был одним из основателей Ассоциации революционного искусства Украины, участвовал в многочисленных выставках. Персональные выставки художника состоялись в Одессе в 1896, 1906, 1929 и 1938 гг. Его работы находятся в Третьяковской галерее в Москве, в Одесском художественном музее, в других музеях, в частных коллекциях.

Неизвестно, кто приобрел портрет старого еврея. Остается надеяться, что он попал, как говорится, в хорошие руки.

Александр Веприк

Серебряные изделия приобретут мягкий блеск, если протереть их тряпочкой, смоченной лимонным соком, промыть горячей водой и сразу насухо вытереть.

***

Чтобы устранить неприятный запах в ящике стола, серванта и другой мебели, положите туда несколько кусочков древесного угля, и через 2—3 дня запах исчезнет.

***

Для того чтобы быстрее избавиться от запаха краски в помещении со свежеразкрашенным полом, поставьте там на 2—3 дня ведро холодной воды.

***

Метка на белье не будет смываться при стирке, если написать ее тушью и прогладить горячим утюгом.

***

Чтобы смазать дверной замок машинным маслом и при этом не запачкать им руки и дверь, нанесите 1—2 капли масла на ключ, вставьте его в скважину и несколько раз проверните его. Это можно повторить несколько раз.

***

Чтобы, пребывая на открытом воздухе, спички не отсырели, их головки нужно смазать лаком для ногтей.

Сделай сам
Полезные советы
от заслуженного рационализатора
Украины
волонтера Григория Махлиса

Холодильник разморозится значительно быстрее и опасность повреждения испарителя будет исключена, если в его камеру поместить наполненную горячей водой медицинскую грелку или направить в холодильную камеру струю горячего воздуха от теплового вентилятора (дуйки). При этом холодильник избавится от неприятного запаха, который образуется от хранения различных продуктов.

***

Хрустальные изделия будут блестеть, если в воду для их мытья добавить несколько капель аммиака и уксуса.

***

Мелкие хрустальные украшения время от времени нужно чистить 90-процентным спиртом.

***

Изделия из меха можно защитить от моли, если в чехол, где они хранятся, положить высушенные апельсиновые корки, листья табака или герани.

Для очистки загрязненной шубы из меха нужно приготовить раствор из равных долей спирта, пищевого уксуса, воды и нанести его на мех щеткой или куском паралона. После этого нужно протереть мех куском чистой ткани. Дубленки нужно чистить жесткой щеткой для одежды. Пятна можно протереть светлой канцелярской резинкой или коркой белого хлеба.

***

Лимон поможет удалить стойкие загрязнения с деревянных или пластиковых разделочных досок (от свеклы, мяса, моркови и другого). Для этого нужно натереть загрязненную поверхность доски половинкой лимона, оставить на 20 минут, после чего промыть водой. При этом исчезнут не только загрязнения, но и неприятные запахи.

***

Сильно почерневшие серебряные ложки можно очистить пищевой содой. Для этого большую миску нужно выложить фольгой, положить в нее ложки, насыпать 1/4 стакана соды, 2—3 чайные ложки соли и залить 1 л кипятка. Через минуту ложки станут чистыми. Чтобы они еще лучше лестили, можно пройтись по ним губкой с содой.

Что было, то было... (Из одесской старины)

Ростислав Александров

***

В стародавнее время, а для молодой по историческим меркам Одессы таковым вполне можно считать XIX столетие, еще не было эффективных анестезирующих средств, которые теперь превращают процесс удаления зубов чуть ли не в наслаждение, совершенных материалов для их протезирования, зубных щеток, работающих от электрических батареек, чудодейственных, якобы, зубных паст. Но во все времена в каждом деле появлялись свои новшества. Еще в 1832 году одесский зубной врач Баак составил порошок, который, если судить о нем по рекламе, «превосходно чистит зубы, укрепляет десны, дает им прекрасный розовый цвет и оставляет во рту приятную свежесть». А на излете века, на Всемирной выставке 1898 года в Париже, уже были представлены «искусственные зубы, исполненные на золоте и каучуке» одесским зубным врачом Я. Харлипом. И в городе имелось несколько десятков заведений под вывеской «Зубоврачебный кабинет», которые держали дипломированные зубные врачи и дантисты, сиречь, специалисты-практики по лечению и протезированию зубов, не имеющие специального образования. Так, М. А. Соловейчик, чей кабинет располагался на Херсонской, 28, был зубным врачом, а Е. Л. Соловей, пользовавший своих пациентов на Дерибасовской, 14, — всего лишь дантистом.

***

В сентябре 1892 года в доме Родоканани на Преображенской, 38, открылась переведенная из Киева корсетная мастерская мадемуазель Rosalie, как она именовала себя на вывеске. А вскоре после этого вышло постановление Ремесленной управы, которым модисткам запрещалось иметь на своих вывесках одни только имена без фамилий, что до этого было широко распространено и никаких возражений ни у кого не вызывало. Правда, новое запрещение касалось только модисток, чьи мастерские располагались на городских окраинах. И мадемуазель Rosalie осталась при старой вывеске. На новую же ей пришлось потратиться потом, когда она вышла замуж, превратилась в мадам Rosalie, как это значилось на вывеске ее мастерской, которую она держала уже в доме Вагнера на Дерибасовской, 16. Там ее деликатный товар узрел, с подростковым любопытством рассматривал и заслужил смутившую его похвалу персонаж рассказа «Детство. У бабушки» Исаака Бабеля: «Ходьба занимала у меня много времени. Я долго рассматривал бриллианты в окне ювелира, прочитал театральные афиши от «а» до ижицы, а однажды осматривал в магазине мадам Розалии бледно-розовые корсеты с длинными волнистыми подвязками. Собираясь идти дальше, я наткнулся тогда на высокого студента с большими черными усами. Он улыбался и спросил меня: «Изучаете?» Я смутился. Тогда он важно похлопал меня по плечу и покровительственно сказал: «Продолжайте в том же духе, коллега. Хвалю. Всех благ!» Расхохотался, повернулся и ушел».

***

Первый владелец дома, на Преображенской, 25, бывший городской голова, купец 1-й гильдии, «за обеспечение продовольствием в Новороссийском крае» награжденный золотой медалью на Анненской ленте, почетный гражданин Константин Папудов умер в июне 1879 года. И дом отошел к его вдове Ариадне, которую летописец нашего города Александр Михайлович де Рибас называл в числе первых красавиц тогдашней Одессы. Будучи изрядно моложе мужа, она надолго пережила его и покинула этот мир в 1892 году, завещав дом своей дочери и тезке Ариадне, в замужестве Мартыновой. Стой самой поры он во всех справочниках, путеводителях, списках недвижимостей и оценочных ведомостях числился уже как дом Мартыновой. Но в Одессе его называли, и по сей день продолжают называть «домом Папудова». Как не сказать, что память об этом сохраняется и передается не иначе, как на геномном уровне? По этой же, очевидно, причине магазин на Дерибасовской, 23, угол Красного переулка, окрестные жители десятилетиями, до самого его закрытия, никогда не называли уныло и длинно «Гастроном №12 Гастрономторга», но говорили исключительно «У Дубинина». И все понимали, о чем идет речь и куда

Думская площадь. XIX ст.

нужно идти, поскольку когда-то там был известный своим богатым гастрономическим ассортиментом и обходительными приказчиками магазин «Торгово-промышленного Товарищества А. К. Дубинина», с годами отошедший к сыну его основателя Варфоломею Антоновичу.

***

В сентябре 1872 года на Ришельевской, 10, там, где после войны выстроили новое здание, открылся мануфактурный магазин под заманчивой вывеской «Магазин дешевизны», куда поначалу потянулись привлеченные таким откровением покупатели. Правда, потом им пришлось смириться с тем прискорбным для них фактом, что купленное там якобы голландское, известное своим высоким качеством полотно, которое шло, в частности, на дорогие мужские сорочки, оказалось чуть ли не коленкором, а французское, вроде бы, сукно — просто какой-то дерюгой. Осенью 1884 года, когда летние развлечения, как-то концерты в Городском саду, гуляния на даче «Ланжерон», фейерверки на бульваре возле памятника Ришелье и всякие другие уже стали приятными воспоминаниями, некий ушлый гражданин открыл на Ришельевской, 8, заведение под вывеской «Музей редкости». А творилась там совершеннейшая авантюра, поскольку вся «редкость» являла собой сооруженный из собачьих костей «скелет рыбо-человека», за обозрение которого нужно было раскошелиться на 20 копеек «теми деньгами».

***

В истории торговой Одессы фамилия Стифель прослеживается не больше, не меньше, как с 1798 года. А в 1825 году был учрежден Торговый дом братьев Симона и Людвиг Стифель, в составе которого в числе прочих заведений имелся магазин иностранных вин, ассортимент которых был мало сказать богатейшим. Названия их сегодня музыкой звучат для знатоков и любителей этих напитков, для других же, уважавших и потреблявших когда-то исключительно «Солнцедар», «Солнце в бокале», «Ліманське», «Біле міцне», по созвучию прозванное «Биомицином», являют собой настоящую экзотику. Бордосские красные: Шато-Марго, Шато-Латур, Шато-Ларозе, Го-Брион, Пульяк, Сен-Жульен, Эстеф. Бордосские белые: Шато-Икем, Латур, Го-Сотерн, Го-Барзак, Го-Преньяк, Вен де Грав, Вен де Кот. Бургонские красные и белые: Кло де Вужо, Шамбертен, Нуй, Вольней, Макон, Шабли. Рейнские вина. Венгерские вина. Испанские и португальские: мадера, малага, марсала, портвейн, херес. Помимо этого предлагался знаменитый французский коньяк «Мартель», крепчайший ямайский ром, голландский ликер всемирно известной фирмы «Кюрассо» и настоящие гаванские сигары. В 1870 году по причине серьезных финансовых затруднений владельцев их магазин в собственном доме Стифелей на Дерибасовской, 10, угол Ришельевской был продан. Единственной отрадой в этом печальном деле стало то, что магазин попал, как говорится, в хорошие руки, поскольку приобрел его германский подданный Цезарь Карлович Гинанд, который еще с 1856 года держал в Одессе винную торговлю. Позже он переместил магазин в расположенный по диагонали ныне не сохранившийся дом Пурица на Дерибасовской, 11, где когда-то был винный погреб Вантра. А после магазина Гинанда там открылась виноторговля Товарищества «Братья И. и В. Синадино и К°». По такой благодатной причине давние поклонники солнечного напитка могли отыскать это вожаемое место, что называется, с закрытыми глазами, руководствуясь, как перелетные птицы, одним лишь инстинктом.

***

В середине 80-х годов позапрошлого столетия один из дворовых флигелей здания городской полиции на Преображенской, 44, украшала вывеска, на которой золочеными буквами было выведено: «В справочном отделении при управлении одесского полицмейстера выдаются адресные сведения принимаются комиссии для перемены паспортов и истребования разных документов и в замен их выдаются расчетные книжки продаются домовладельческие книги адресные листки и квартирные расчетные книжки выдаются полученные вновь документы пишутся прошения по разным предметам, а также и о выдаче отсрочек по 20 копеек». Отлитая из чугуна и, как гигантская телеграмма, исполненная без единого знака препинания, эта вывеска была самой многословной в Одессе. Другое дело, что, как иронизировал по этому поводу один одесский репортер, «в полицейских канцеляриях никогда грамота не процветала, но все-таки вывески следовало бы писать согласно правилам грамматики».

***

Еще в младенческие одесские годы появились консулы различных государств, в числе коих был младший брат основателя города, неаполитанский консул майор Феликс де Рибас и многолетний австрийский консул, добрый знакомый А. С. Пушкина Самуил фон Том. И еще в 1802 году «государь император высочайше соизволил признать» банкира, коммерции советника, впоследствии директора Городского театра Жана Рено консулом Французской республики в Одессе. Во второй половине XIX — начале XX столетий консульств в Одессе имелось, пожалуй, больше, нежели посольств в столице какого-нибудь государства: Австро-Венгерское, Бельгийское, Болгарское Царства, Великобританское, Германское, Греческое, Датское, Испанское, Итальянское, Нидерландское, Норвежское, Панамское, Португальское, Румынское, Сербское, Турецкое, Французское, Шведское, Швейцарское. На Канатной, 33, располагалось консульство, как их тогда называли, Соединенных Штатов Северной Америки, в Каретном переулке, 17, — Персидское Генеральное консульство, на Греческой, 26, — консульство далекой Аргентины, о которой одесситы на мотив недавно вошедшего во всеобщую моду танго напевали песенку Изы Яковлевны Кремер «Под знойным небом Аргентины...» В том же доме помещалось вице-консульство Бразилии, в столице которой, по сведениям великого комбинатора Остапа Бендера, все мужское население ходило исключительно в белых штанах. И даже крошечное княжество Монако, которое всей своей территорией было раз в двадцать меньше Одессы, имело свое консульство в доме инженера Райха на Ришельевской, 17, где жил Исаак Бабель...

***

Вся Одесса когда-то знала вывеску «ГЕНИЙ ШАПИРО. ФОТОГРАФИЯ» на Ришельевской, 25. Никаким гением сей гражданин, конечно, не был, да и не считал себя таковым, но, если уж родители нарекли тебя таким именем, то почему бы не использовать его для рекламы, которая, по словам не очень грамотного, но внимательного современника, «достигала подчас таких грандиозных размеров, что необходим энергичный отпор против нее». И получилась эта вывеска самой курьезной в тогдашней Одессе. А самой одесской была, наверно, вывеска буфета искусственных минеральных вод на Степовой улице «Торговля воды». Но в невыносимую жару молдаванским жителям было как-то не до грамматических изысков. С этой вывеской своим одесским колоритом могла соперничать разве что та, которая в 1900 году красовалась на доме №31 по Екатерининской улице: «БИТЫХ ВЕЩЕЙ ПОЧИНЯЮ НЕЗАМЕТНО. С. МАРКОВИЧ». Колдовавший под этой вывеской мастер утверждал, что «заделанные вещи из хрусталя, фарфора и терракоты совсем не боятся огня и воды, а место клейки так заглажено, что никому ничего не заметно». Но, как говорят в Одессе, иди догадайся!

Руфь Зернова На море и обратно

Начало в № 57

В Израиле Саша Бенинсон, умный и едкий, говорил про несимпатичного дантиста из Кишинева:

— Он там был первым человеком... Он там лучше всех по-русски говорил!

В Америке Марина Ледковская обо мне говорила:

— Но она говорит, как мы.

Понимай как комплимент — видимо, русский язык поколения шестидесятников, прибывающего в эмиграцию, был ей чужд, — более, впрочем, по лексике, нежели по орфоэпии. Мой язык, как и ее, был более книжный — более литературный и, если хотите, более чистый... Язык людей, которые не знают — или не хотят знать — языка постреволюционного, ни уличного, ни газетного. Тоже — бегство в иной мир, самый непростительный грех с точки зрения прагматиков-американцев, словом — эскейпизм. Ну вот, только что осудила "ваучер" — а сама? Русской интеллигентной современности вечно не хватает собственного языка. Вечные мадамы Курдюковы, в брюках и в ученых степенях.

А как перевести это слово? Бегство? Но слово "бегство" непременно требует дополнения. А эскейпизм — ничего не требует, и так понятно.

Но вот этот самый мой уж очень литературный язык порождал забавные недоразумения. Мне то и дело примысливают некое "высокое происхождение". Думают, что я "из бывших". Даже Довлатов так думал или распускал такой слух. А я — до чего же мне хотелось, чтобы так оно и было. Но — нет. Хотя к легенде о "высоком происхождении" обещаю вернуться.

Кроме высокого происхождения я мечтала еще, чтобы у меня открылся голос. Как у Аверченко в "Развороченном муравейнике": "У Вареньки вчера в половине пятого голос открылся!" Но у меня так никогда и не открылся. Не унаследовала я голоса от моего отца.

Голос моего отца — не певческий, а разговорный — я через много лет услышала у Жана Габена. Тот же, иногда чуть рокочущий, баритон. Мне казалось даже, что он и лицом на него похож — но, думаю, это мне мерещилось из-за голоса. Голос, манера говорить для меня и по сей час определяет привлекательность — или непривлекательность человека.

Хотя есть исключения. И тут — хоть это и не к детству вовсе даже — не могу не вспомнить.

Тридцатые годы в Одессе — а может, и не только в Одессе — отличались

текучестью учительских кадров. За два года у нас сменилось три физика, три немки, две литераторши... А уж историчек просто никто не считал. Все они, как одна, не сговорившись, посвящали первый урок Морозовской забастовке, а потом исчезали. Однажды произошло нарушение традиции: мы ждали новую историчку, а вместо женщины пришел очень маленький мужчина в неразвязанном кашне, посмотрел в очки на класс, тихонько сказал, что его зовут Семен Абрамович и монотонно зажужжал, как средней величины муха. На каждой парте занялись своими делами, — кто списывал алгебру, кто читал "Десять лет спустя", кто играл в "Морской бой"... Было, в общем, тихо. Потом стало еще тише — монотонное жужжанье пробило какойто барьер и стало доходить до нашего слуха. К концу урока мы сидели не дыша.

Картава, без голоса, почти без интонаций Семен Абрамович рассказывал нам — что? Морозовскую забастовку. С картиной времени, с беглыми портретами руководителей, участников, неучастников, с цифрами, с последствиями.

После этого урока мальчики говорили: это да! Не забудем, что это были одесситы, не просто одесситы — подростки одесситы... Ну, и мы тоже, конечно, восторженно кудахтали.

Семен Абрамович продержался у нас до конца триместра — потом и он исчез. Но и после исчезновения сумел удивить нас.

Нина Сигал (впоследствии по мужу Жирмунская), наша красавица и отличница, подошла к опустевшему столу, за которым опять не было историка, и возгласила с немного таинственной улыбкой:

— Семен Абрамович передал нам всем привет. Он поставил нам очень хорошие отметки.

И стала читать по алфавиту. Это были отметки за триместр — и в самом деле очень хорошие. И, главное, заслуженные.

Все это отступление к вопросу о голосе и манере говорить, которые иной раз и не главное.

Но исключение — оно и есть исключение. А в моих ушах до сих пор звучит голос моего отца:

— Мир спасет Советская Россия.

(Пауза.)

— Как это ни странно.

Это — май 1940 года, когда немцы вошли в Париж. Через несколько месяцев:

— Национальная идея сильнее интернациональной.

(Пауза.)

— К сожалению.

Это — август 1940 года. День вторжения в Польшу. Мы проснулись от землетрясения — слабого, но страшного. Стояли в столовой под лампой, она уже не качалась.

— Бог не на шутку рассердился на большевиков, — сказал папа очень серьезно.

Кроме всего прочего, во время летней кампании 1942 года он сказал, что немцев останвят у Моздока. Так оно и произошло. Один из моих тогдашних приятелей увидел с улицы (мы жили на первом этаже), что папа надел на свою лысую голову ватный колпак от чайника. И сразу все понял:

— Вот, значит, как в его голове вызревают политические предсказания!

Мой отец умер в Одесской больнице. Я стояла на коленях у его постели. Мне показалось, что он потерял сознание; я громко заплакала. И он положил руку мне на голову, успокаивая или, как мне хочется думать, благословляя.

Это было 22 декабря 1956 года. Трех недель он не дожил до шестидесяти восьми лет.

Пять лет жили они с мамой и с моим маленьким сыном в узкой и темноватой двенадцатиметровой комнатке, и ночью их будило рычание львов. Их комнатка была в доме, где цирк. В прежнюю квартиру, в которой они прожили двадцать лет, вернее, в их последние две комнаты, их по возвращении из эвакуации так и не пустили — придрались к тому, что они не платили за квартиру, находясь в эвакуации. Пять лет они посылали мне посылки в лагерь. Потом я вернулась, забрала мальчика, — и у них поселилась моя сестра с двумя детьми. Львы рычали. В сентябре пятьдесят шестого я приехала в Одессу в командировку от журнала "Юность". Это был как бы наш общий реванш за страшные пять лет — а папа был доволен и втайне гордился таким поворотом моей судьбы, мама подсмеивалась над ним, но тоже была довольна... А через три месяца я приехала снова — чтобы проститься.

В ту последнюю ночь, которую я провела около папы, я все время слышала предсмертные хрипы из соседней палаты. В конце концов я спросила медсестру: что это?

Она ответила:

— Старушка одна умирает, Бутурлинская Надежда...

— Евлампиевна?

— Вы ее знаете?

Это была та самая "Лампочка", у которой сорок лет тому назад познакомились мои родители.

До Ляли

Мама часто рассказывала, как в детстве на вопрос "где твой папа?" — я твердо отвечала:

— Папочка в Чека.

Щелканье этих двух слов, которые я помнила с маминого голоса, мне долго нравилось. Было мне года два, вероятно, когда папу в первый раз увели. Может быть, в День мирного восстания. Тоже очень красиво мне звучало — "День мирного восстания". Об этом мне часто вспоминали няня и мама. Ходили по квартирам (кто ходил? Сколько их было? Мне мерещатся какие-то чужие чужие, развязные молодые люди. Воображение это или смутное воспоминание?); так вот, ходили по квартирам и производили изъятие излишков (эти два слова были не красивыми, а страшноватыми, — из-за двойного, злого, свистящего "иззз")...

— Изъятие — это когда забирают, — объясняет мне няня.

— У кого забирают?

— У кого! У кого хотят, у того и забирают. Вон, у Германских все простыни забрали. А у них такие хорошие простыни были!

Вздых.

Германские — родственники с папиной стороны — уже давно уехали в Берлин, и я их помнила только словами именами: тетечка Лизочка, Манечка, Буська... С Манечкой я через пятьдесят с лишним лет встретилась в Израиле. Она рассказала, что ей написали: Рунечка стоит у дверей твоей комнатки, зовет тебя и плачет. Я этого не помню может, выдуманно? Но значит, она когда-то жила "у комнатке"... Одна жила — потому что ее родители и брат Буська жили в квартире напротив.

Помню зрительно: я стою в чужой, не нашей кухне, парной от стирки, с маленькой синей мисочкой в руках и заученно говорю женщине, что стирает в корыте: "Тетечка Лизочка, дай паек!" Паек — значит макароны, но этого слова я не знала. И тетечка Лизочка накладывает в мою мисочку макароны распаренными от стирки розовыми руками.

Я долго думала, что эти длинные и не очень вкусные теплые трубки называются "паек". И правда, когда мы в начале

тридцатых годов стали получать паек, то макароны составляли его главную и самую тяжелую часть. Манечку родители вспоминали редко, а вот ее брата Буську, которого было не отогнать от пианино, — очень часто, особенно, когда я начала учиться музыке.

— Вот, Буську не отогнать было от рояля, по шесть часов играл, и теперь в Берлинской консерватории учится. А ты?

Так меня попрекали этим Буськой, пока я не ответила, что не собираюсь ни в какую консерваторию вообще. Консерваторию окончила моя сестра Ляля — она была одаренная.

У Германских были излишки. У моих родителей тоже были излишки, может быть, даже золото: они только что купили квартиру, где я выросла: полтора этажа, наверху кухня, кладовка, ванная и комната для прислуги; внизу, в бельэтаже, две большие комнаты, две поменьше и одна совсем маленькая, возле черного хода, та самая, которая называлась "у комнатке" (няня вместо "в" говорила "у", зато вместо "у" — "в": "у комнатке", но "в Эймонтов тоже хорошая квартира"). В двух комнатах, что поменьше, сначала жили Ефимовы — Анна Гавриловна и Генъиванч (Евгений Иванович). У него были усы и борода, но я почемуто помню, как он направлял бритву на кожаном поясе — опасную бритву, конечно, безопасных тогда еще не было. А Анна Гавриловна — белая, рыхлая, добрая, — осталась в памяти главным образом потому, что еще много лет спустя, если я просила лишнюю чашку чая, няня говорила: ну, настоящая Анна Гавриловна! Видно, та большая была любительница. Чай тогда — и еще долго потом — пили из самовара, который няня ставила на кухню и тащила за ручки в столовую — десять ступенек вниз!

Но Ефимовы рано исчезли — задолго до появления моей сестры Ляли. При них мы с няней жили "у комнатке", а потом у нас появилась детская, а у родителей рядом — спальня... А "у комнатке" поселился студент по фамилии Христино, у него была синяя фуражка, и к нему ходила Марусечка, а потом мама радостно объявила: "студент с Марусечкой обвенчались". Там у них я читала чудный журнал "Вокруг света" с романами Беляева. В конце двадцатых годов они съехали — интересно, куда? — а с тридцатого года наша квартира превратилась в шагреновую кожу: комнат у нас осталось только две. Зато население квартиры стало бурно расти. Перед войной в комнате для прислуги жила семья Маламуд из пяти взрослых и одного младенца, "у комнатке" жил одинокий, широко посещаемый приятельницами Валентин, в детской — слепые супруги, родившие совершенно зрячую дочку, а в родительской спальне размножилась молодая студенческая семья Кагановичей. Нам пятерым остались гостиная и столовая. Чудесная наша угловая гостиная, с пятью окнами, с пианино, с диванчиками, креслами, коврами и картинами была перегорожена буфетом и вешалкой и превратилась в дортуар: по обе стороны перегородки стояли кровати, с одной стороны — огромные никелированные родительские, которыми когда-то гордилась мама, с другой — железные крашенные койки, которыми никто никогда не гордился: на них спали няня и Ляля. Я же, когда приезжала, спала в бывшей столовой на продавленном диване. И пианино наше загадочной немецкой фирмы "Клингман", и вся мебель из бывшей гостиной — все переехало сюда.

Продолжение следует

Страна Поэзия

Светлана КИСИЛЕВСКАЯ

Родилась в 1971 году в Одессе. Училась в средней школе № 119. В 2001 году окончила Одесский станкостроительный техникум. Специальность — экономист по планированию. Работала старшим бухгалтером материального отдела Одесского завода фрезерных станков имени С. М. Кирова, а затем — экономистом в Одесском областном управлении статистики. Пишет лирические стихи и сказки. Член Литературной студии "Откровение".

***
Я помню акацию нежную —
Красавицу в белом цвету,
И юность мою
безмятежную,
И хрупкого сердца мечту,

И детство мое беззаботное,
И дворик одесский, родной.
И лица друзей благородные
Остались навеки со мной.

Здесь бабушка песни
щемящие
Мне пела о доле своей.
Отважная и работающая —
Я знаю, что нет равных ей.

Нет, юность моя
не забудется,
Хотя я давно уж не та,
Но верится — сбудется,
сбудется
Заветная в жизни мечта!

Не все еще мною измерено,
Еще много чувства в груди,
Не все еще в жизни потеряно,
И счастье возможно найти!

Михаил РОЗЕНФЕЛЬД

Родился в 1927 году.
Окончил Мореходное училище и
Одесский институт инженеров
морского флота (ОИИМФ),
работал в Потти, потом в Одессе
— в "ЧерноморНИИпроекте" и
"Проектсервисе".

Седые сны

Мне снилось: я пришел домой,
А дом наш — старый,
довоенный.
Все тот же садик
в цвете пенном
Стоит, не тронутый войной.

Сирень у дома. И крыльцо
Мне кажется немного выше,
И вишня старая на крышу
Склонила белое лицо.

Петух — драчун и горлодер,
Пригнулся, драку затевает,
Но он меня не замечает,
И тихо я вхожу во двор.

В дверях стоит, я вижу, мать.
И в сердце радость
и ... тревога!
Ну вот, я дома. Слава Богу!
Она спешит меня обнять.

Глаза сияют счастьем, я
Прекрасней глаз ее не знаю,
Шепчу ей: «Милая, родная!
Мамуленька, прости меня!

Прости тревоги по ночам,
Прости, что редко
приезжаю»,
И я губами припадаю,
К шершавым ласковым

рукам.
Что это сон, я начинаю
Вдруг понимать, вползает страх.

Крик застывает на устах, —
Кричу: «Не уходи, родная!

Ты лучшей мамой была!"
Но сон уходит, сон мой тает.
О, мама, как мне не хватает
Твоей улыбки и тепла!

Как пробужденье побороть?..
И голос тихо возникает
И прямо в душу проникает:
«Сынок, храни тебя
Господь...»

В войну в местечке всех убили,
Дома разграбили, сожгли,
Все, что возможно, увезли,
Деревья на дрова срубили.

Кому лафа, кому война.
Творилось все жестоко, дико.
Где был наш дом, сирень,
гвоздика, —
Теперь бурьян и бузина...

Ни сада больше нет, ни хаты, —
Лишь отзвуки былых боев.
... Местечко бедное мое,
Мое родное Хошевато...

Детский уголок

Ёжик резиновый

По роще калиновой,
По роще осиновой
На именины к щенку
В шляпе малиновой
Шёл ёжик резиновый
С дырочкой в правом
боку.

Были у ёжика
Зонтик от дождика,
Шляпа и пара галош.
Божьей коровке,
Цветочной головке
Ласково кланялся ёж.

Здравствуйте, ёлки!
На что вам иголки?
Разве мы — волки
вокруг?
Как вам не стыдно!

Это обидно,
Когда ощетинился друг.

Милая птица,
Извольте спуститься —
Вы потеряли перо.
На красной аллее,
Где клёны алеют,
Ждёт вас находка в бюро.

Небо лучистое,
Облако чистое.
На именины к щенку
Ёжик резиновый
Шёл и насвистывал
Дырочкой в правом боку.

Много дорожек
Прошёл этот ёжик.
А что подарил он дружку?
Об этом он Ване
Насвистывал в ванне
Дырочкой в правом боку!

Юнна Мориц

Вочках
и без очков

Когда хожу я
Без очков,
Я наступаю
На жучков
И укусить могу
Шкатулку,
Вполне приняв её
За булку!

Зато в очках
Я никогда
Не сел
На спящего кота,
Не вышел в сад
Через окно,
Не спутал
Почту и кино!

Но для того,
Чтоб видеть сны,
Очки мне вовсе
Не нужны!

А ночь нужна,
И тишина,
И звёзды в небе,
И луна,
Нужна подушка
И кровать
И нужно
Глаз не открывать!

Малиновая кошка

У Марфы на кухне
Стояло лукошко,
В котором дремала
Домашняя кошка.
Лукошко стояло,
А кошка дремала,
Дремала на дне,
Улыбаясь во сне.

Марфута спросонок
Пошла к леснику
С лукошком,
Где кошка спала на боку.
Марфута не знала,
Что кошка в лукошке

Дремала на дне,
Улыбаясь во сне...

Лесник, насыпая
Малину в лукошко,
С болтливой Марфутой
Отвлёкся немножко.
Лесник не заметил,
Что кошка в лукошке
Дремала на дне,
Улыбаясь во сне...

А кошка проснулась
И выгнула спину,
И пробовать стала
Лесную малину.
Никто не заметил,
Что кошка в лукошке
Хихикает тихо
И чмокает лихо!

Лесник
Сковородку с грибами
принесит,
Марфуту любезно
Позавтракать просит.

Над ними хихикает
Кошка в лукошке-
В своё удовольствие
Ест продовольствие!

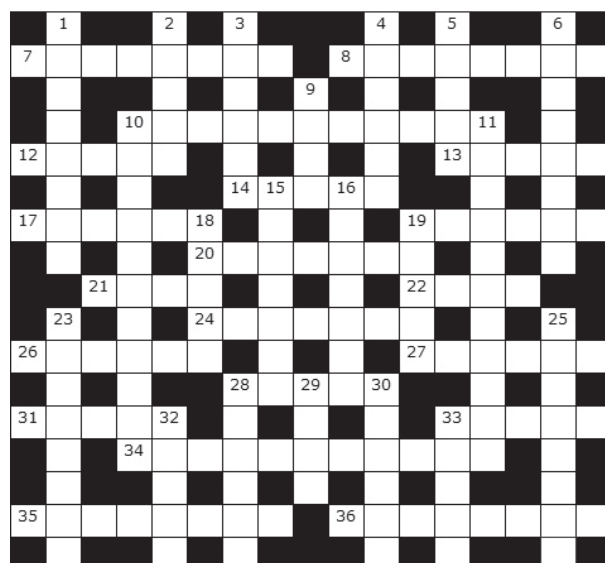
Марфута наелась
Маслятами на год,
А кошка
Малиновой стала
от ягод.
Малиновый зверь
На малиновых

лапах, —
Какой благородный
Малиновый запах!

Подходит Марфута
И видит в лукошке
Улыбку усатой
Малиновой кошки.
— Таких не бывает! —
Марфута сказала.
— Такие бывают! —
Ей кошка сказала
И гордо
Малиновый бант завязала!

Большой секрет
для маленькой компании

Под грустное мычание,
Под бодрое рычание,
Под дружеское ржание
Рождается на свет
Большой секрет
Для маленькой,
Для маленькой
такой компании,
Для скромной
такой компании
Огромный такой
Секрет:
— Ах, было б только с кем...
Ах, было б только с кем...
Ах, было б только с кем
Поговорить!

По горизонтали: 7. Горный .... 8. Речевое излишество. 10. Столица российской автономии. 12. Грузопассажирский легковой автомобиль. 13. Дворянский титул. 14. Английский крестьянин из старинной жизни. 17. Брат Рюрика в древнерусских легендах. 19. Южное вечнозеленое дерево с твердой древесиной. 20. ... любви. 21. Река в Казахстане, впадающая в озеро Балхаш. 22. Овечья шерсть. 24. Бразильский футболист, лучший бомбардир чемпионата мира 2002 года. 26. Вид биржевой сделки по продаже ценных бумаг. 27. Диплом, выдаваемый изобретателю. 28. Швеллера льва. 31. Персонаж пьесы Максима Горького "На дне". 33. Толстая жердь. 34. Та или иная гамма, лежащая в основе данного музыкального произведения. 35. Пустыня в Средней Азии. 36. Единица измерения преломляющей силы оптических стекол.

По вертикали: 1. Обычай, передаваемый от одного поколения к другому. 2. ... науки. 3. Ампула актера. 4. Водяной опоссум. 5. Главарь. 6. Наемный экипаж с кучером. 9. Мужское имя. 10. Уборная. 11. Часть дробы. 15. Вечнозеленый кустарник семейства кутровых. 16. Русский генерал, участник войны 1812 года, уволенный в отставку за покровительство декабристам. 18. Ускорение перед финишем. 19. Приспособление из канатов, тросов, цепей для захвата грузов и подвешивания их к крюку подъемного крана. 23. Вид связи. 25. Роман Жорж Санд. 28. Яхта кубинских революционеров. 29. Один из авторов "Двенадцати стульев". 30. Ящерица семейства игуан. 32. Русский народный ударный музыкальный инструмент. 33. Безлесная равнина.

Ответы на кроссворд в газете "Доброе дело" № 58

По горизонтали: 1. Палиашвили. 6. Апологет. 12. Кенгуру. 13. Ранчо. 14. Бабки. 15. Сток. 16. Шелкопряд. 17. Клим. 20. Абдрашитов. 23. "Раймонда". 25. Хлыст. 26. Батуми. 27. Рядно. 31. Режим. 32. Овидий. 33. Взнос. 36. Выползок. 38. Новгородка. 40. Тоди. 41. Вандемьер. 43. "Ушла". 47. Лонжа. 48. Кулак. 49. Сантури. 50. Инцидент. 51. Координата.

По вертикали: 1. Пакистан. 2. Ландо. 3. Ажур. 4. Внушение. 5. Люрик. 7. Прозябание. 8. Лаба. 9. Гобелен. 10. Триумфатор. 11. Шнапс. 18. Факсимиле. 19. Амбразура. 21. Делёж. 22. Овация. 24. Тушино. 28. Дрозд. 29. Кривотолки. 30. Соломаткин. 34. Агрессор. 35. Царапина. 37. Паданец. 39. Удаль. 42. Мокко. 44. Штука. 45. Саид. 46. Инки.

Все, кто имеет возможность помочь малоимущим людям, направляйте, пожалуйста, свои взносы по адресу:

Украина, 65023,
г. Одесса,
Приморский район,
ул. Нежинская, 77/79.
БФ "Хесед Шаарей Цион"
код ОКПО 34321888
р/с 26003321218601 АБ
"Пивденный"
г. Одесса МФО 328209

В Культурном центре Хеседа по средам с 10.00 до 11.30 работает кружок **"Вышивка бисером"**
Руководитель —
Инна Корсунская.
Приглашаются желающие овладеть интересной методикой.
Справки по тел.
737-40-13

Улыбка

— Фима, скажи, это правда, что бутерброд всегда падает маслом вниз?

— Да.

— А я утром намазал себе бутерброд, потом нечаянно его уронил, и он упал маслом вверх! Как же так?

— Я думаю, что ты намазал масло не с той стороны!

— Ребе! Как мне сына записать? Запишу на год раньше — раньше в армию заберут, на год позже — позже в школу пойдет... Что мне делать?!

— Запиши его так, как есть.

— Надо же! Спасибо, ребе! Мне это и в голову не пришло...

— Фира, с тех пор, как умерла ваша собака, твоего мужа не узнать. Он стал таким здоровым, так прекрасно выглядит, в такой отличной форме! Поделись рецептом!

— Видишь ли, у нас оставались запасы "Педигрипала". Не выбрасывать же.

— Додик, пока ты тут спишь, Ленский Онегину послал вызов.

— И что, он таки едет?

— Ребята, хватит уже об отъезде! Давайте лучше поговорим о женщинах!

— Давайте... Раечка еще не уехала?

— Почему ты так осторожно переходишь дорогу?

— Потому что я сам стал водить машину.

— Знаешь, появилось новое определение слова "лотерея".

— И что оно теперь означает?

— Лотерея — наиболее точный способ учета количества оптимистов.

— Как идут дела?

— Все идет хорошо, только мимо...

— Скажите, вы принимаете на работу людей с фамилией на «штейн»?

— Нет!

— А на «ман»?

— Нет!

— А на «ко»?

— Да, принимаем.

— Коган, заходи!

— Что будет, если сложить темное прошлое со светлым будущим?

— Получится серое настоящее.

— Знаешь, мне что-то давно не звонят родственники.

— Не волнуйся, значит, у них все хорошо.

— Что ты так долго смотришь в зеркало?

— Понимаешь, чем больше смотрю, тем больше верю Дарвину.

— Вы слышали, Кацман все-таки скончался. Бедняга!

— Да, но зато какие профессора его лечили!

— Адам, ложись спать. Пока ты будешь смотреть прекрасные сны, я из твоего чудесного ребра жену тебе сделаю.

— Я не хочу спать.

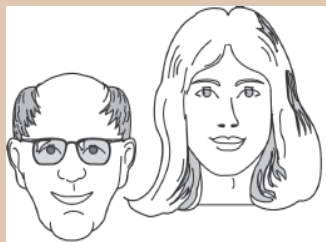
— Может, тебе ребра жалко?

— Да нет. Просто предчувствие какое-то нехорошее...

— Ты знаешь, кто такой Давай-Давай?

— Не знаю, но вчера мы за него столько выпили...

ВНИМАНИЕ!

В Культурном центре Хеседа работает Романтическая гостиная

"Любви все возрасты покорны".

Одиночество —

не лучшее состояние человека.

Все, кто хочет приятно провести время,

познакомиться с интересными людьми,

найти друга или подругу,

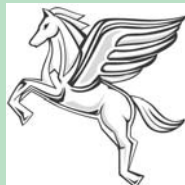
приходите к нам

по средам

в 16.30.

Адрес: ул. Нежинская, 77/79

Справки по тел.: 737-40-13 и 755-67-38.

Литературная студия "Откровение"

приглашает поэтов.

В программе:

основы стихосложения,

творчество

поэтов —

классиков и современников,

творческие вечера.

Заседания

проводятся

в Культурном центре

БФ "Хесед Шаарей Цион"

по средам в 14.00.

Адрес:

ул. Нежинская, 77/79

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛАРОВ — КЛИЕНТОВ БФ "ХЕСЕД ШААРЕЙ ЦИОН"

С 100-летием

Гельфонд Это

С 90-летием

Куравскую Фриду

С 85-летием

Гольдштейн Флору

Князик Цицилию

Куперман Фриму

Лозинскую Валерию

Минц Майю

Раковскую Ларису

Резникову Веру

Самовалова Дмитрия

Сатановского Менделя

Сосюкину Евгению

Спотореско Раису

Черток Брониславу

Шмеркович Веру

С 80-летием

Вальдман Веру

Вишневецкую Полину

Гореву Людмилу

Гутахову Мэри

Доброера Владимира

Кройтору Аню

Лисицыну Генриэтту

Николайчика Иосифа

Ойбермана Юрия

Розенберга Владимира

Рысину Валентину

Садогурского Марка

Шинкарь Феню

Шута Юлию

ПОЗДРАВЛЯЕМ ИМЕЧИЧНИКОВ — ВОЛОЧЯТЕРОВ БФ "ХЕСЕД ШААРЕЙ ЦИОН"

Агнянникова Сергея

Баташева Олега

Вайнштейн Анетту

Вайншток Мару

Городисского Владимира

Ерецкого Бориса

Казимирскую Елену

Каца Юрия

Клейман Зою

Крейдерман Анну

Куприянову Эмилию

Левенберг Надежду

Лейдикера Леонида

Лейченко Ларису

Мирошниченко Людмилу

Мушинскую Марию

Полищука Мирослава

Прахта Ольгу

Сапожникову Викторину

Шамрай Людмилу

Учредитель и издатель —
БФ "ХЕСЕД ШААРЕЙ ЦИОН" (г. Одесса)

Газета издается при поддержке
Claims Conference и American
Jewish Joint Distribution Committee

Некоммерческое издание. Распространяется бесплатно.
Реклама и объявления публикуются бесплатно.
Индекс издания — 09720

Свидетельство о госрегистрации 1153-34-Р, серия ОД, выдано 7 июня 2006 г.
Отпечатано в Одесской типографии ООО "ВМВ", ул. Добровольского, 82-а
Тираж — 2300 экз. Зак. №

Главный редактор
Семен ВАЙНБЛАТ
Редакционная коллегия:
А. Кесельман,
А.Креймер, Ф.Мильштейн
Компьютерная верстка
И. Глаголевский

Присланные материалы
не рецензируются и не возвращаются.
Переписка с читателями —
только на страницах газеты.
Редакция оставляет за собой право
редактировать
и сокращать присланные материалы.
Ответственность за точность
фактов несут авторы

Адрес редакции:
65023, Одесса, ул. Нежинская, 77/79
Почтовый адрес:
65045, Одесса, а/я 110
Тел.: 737-40-12
www.dobroedelo-11.narod2.ru